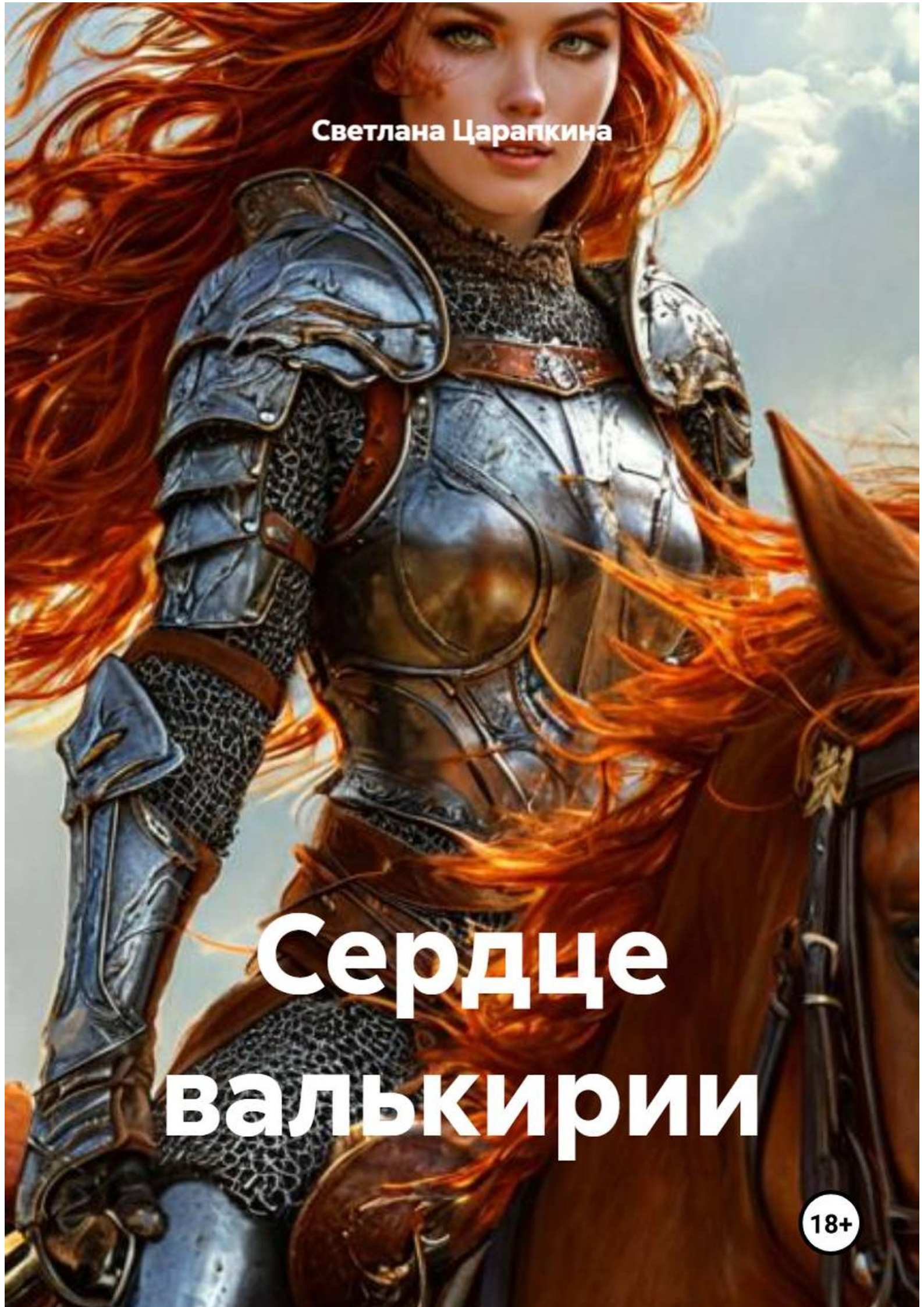

A woman with long, flowing red hair is depicted in detailed medieval armor. She is looking directly at the camera with a slight smile. The armor is dark and ornate, with a prominent breastplate and gauntlets. The background is a bright, cloudy sky. The overall style is cinematic and dramatic.

Светлана Царапкина

Сердце валькирии

18+

Светлана Царапкина
Сердце валькирии

«Автор»

2026

Царапкина С. А.

Сердце валькирии / С. А. Царапкина — «Автор», 2026

Действие романа разворачивается в Англии в 9 веке на фоне ожесточенной борьбы англосаксов против датчан. Среди завоевателей находится дочь датского конунга Фрида, которая влюбляется в своего врага - английского тэна Дэвида. Любовь превращает безжалостную воительницу в сострадательную женщину, для которой семья становится главным в жизни.

© Царапкина С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Светлана Царапкина

Сердце валькирии

Посвящается моей маме Гадалиной Тамаре Александровне

Глава 1

Восточная Англия, 878 год

от Рождества Христова

Смуглый черноволосый мужчина в полном воинском убранстве остановил своего тяжело поводящего боками коня на берегу широкой реки. Воин скакал всю ночь, торопясь доставить важное донесение королю Альфреду, и теперь чувствовал настоящую потребность в небольшой передышке. Впрочем, он беспокоился не столько о себе, сколько о коне, боясь, что Клифф не выдержит продолжительной скачки и падет, а этого Дэвид не мог допустить. Конь был неотъемлемой частью его жизни, верным другом, на которого он полагался не меньше, чем на самого себя.

Мужчина спешился и спустился к воде с намерением вдоволь напиться и ополоснуть покрытое дорожной пылью лицо. Прежде, чем позволить коню утолить жажду, Дэвид привязал его к кусту ракитника, чтобы дать остыть разгоряченному быстрой скачкой животному. Едва воин успел зачерпнуть прохладной влаги, как за его спиной раздался дробный перестук копыт. Привыкший к любым неожиданностям своей беспокойной жизни, Дэвид стремительно обернулся. На пологом речном берегу гарцевал великолепный рыжий жеребец, сдерживаемый уверенной рукой совсем еще молодого викинга, который принадлежал, по всей видимости, к знатному роду, о чем свидетельствовала его длинная бирни¹, изготовленная искусным мастером: она казалась совершенно невесомой и плотно облегла фигуру юноши, не скрывая его поразительной стройности. Голову молодого воина покрывал остроконечный блестящий шлем с прямой планкой, защищающей переносицу. Дэвид поторопился выйти из воды, предусмотрительно положив правую ладонь на рукоять своего меча. Мужчина вовсе не горел желанием скрестить клинок с мальчишкой, но, похоже, у юного викинга было именно такое намерение. Норман соскочил с коня и отдал тому какую-то команду. Рыжий жеребец звонко заржал и послушно затрусил в сторону. На некотором расстоянии от хозяина он остановился и принялся лениво пощипывать траву. Юноша же выхватил из ножен сверкающий меч с янтарной рукоятью и с криком «Защищайся или умрешь!» стремительно атаковал несколько растерявшегося мужчину, которого настораживала внешность противника, появившегося неизвестно откуда. Юный воин, вызвавший его на смертельный поединок, выглядел чересчур женственным, но викинг был уже совсем рядом, и английскому тэну² ничего не оставалось, как обнажить свой тяжелый меч. Удар юноши оказался неожиданно сильным, и Дэвид понял, каким обманчивым может быть порой первое впечатление. Приходилось признать, что противник хорошо владеет своим несколько облегченным для мужчины мечом. Натиск викинга был яростен, его энергия казалась неистощимой, однако ему явно не хватало грубой физической силы, хотя с мечом юноша управлялся с поразительным мастерством. Проворство молодого норманна не позволяло Дэvidу отшвырнуть его от себя; град ударов обрушивался на англичанина, и он едва успевал парировать их. Викинг начал злиться, что ни один из его выпадов не достиг цели; его атаки стали более неистовыми, и порой он терял чувство самосохранения. Дэвид уже не раз мог смертельно ранить неосторожного норманна, но ему не хотелось убивать этого юнца, у которого еще не обсохло молоко на губах. Наконец, уловив момент, английский тэн вложил в удар всю свою поистине медвежью силу, и отбросил викинга далеко назад. Шлем слетел с головы юноши, и на волю вырвался настоящий огненный смерч. Волна ярких рыжих волос буквально ослепила Дэвида, и он невольно отшатнулся, опуская меч. Юноша оказался красивой девушкой. Ее дерзкий зеленый взгляд встретился с удивленными темно-карими, почти черными глазами воина, и девушка, вызываясь тряхнув головой, расхохоталась.

— Ну что же ты, кельт, — насмешливо бросила она опешившему мужчине, — почему ты остановился?

И она вновь стремительно рванулась к нему, заноса над головой меч. Дэвид едва успел отразить не по-женски тяжелый удар.

— Кто ты? — спросил он девушку.

— О, нет, — ответила она, — я не назову тебе своего имени, не хочу, чтобы смерть настигла меня внезапно. Я еще не тороплюсь покидать Мидгард³.

— Датчанка! — яростно выдохнул тэн.

Скрестив мечи, они замерли, пытаясь испепелить друг друга взглядами. Затем мужчина с силой оттолкнул девушку, и, не дав ей времени на передышку, мощно атаковал ее. Обманным маневром он выбил из рук датчанки меч и молниеносным движением приставил острое своего клинка к бурно вздымающейся груди воинственной девы. Стоило отдать должное самообладанию рыжеволосой валькирии⁴, в ее ярких глазах не отразилось и тени страха.

— Чего же ты ждешь, кельт? Твоя взяла! — с ненавистью бросила она.

Но Дэвид не мог лишиться жизни безоружного противника, а тем более женщину, и, кроме того, столь обворожительную. Он медленно опустил меч и шагнул сторону, подбирая оружие девушки.

— Слишком опасная игрушка для маленькой девочки, — холодно проговорил он, с удовольствием ощущая, как послушно легла в его ладонь овальная рукоять меча датчанки.

— Ты отпускаешь меня? — ее изогнутые темные брови удивленно поднялись. — Но почему?

— Я не убиваю женщин, — коротко ответил Дэвид.

— Тогда отдай меч, — попросила девушка, но ее просьба была скорее похожа на приказ. Мужчина молча покачал головой.

— Я не забуду этого, кельт! — зловеще проговорила датчанка. — Ты заплатишь своей кровью за мой меч!

— Садись на коня и убирайся, — мрачно сказал тэн.

Девушка подскочила к нему и размахнулась, намереваясь ударить, но он перехватил на полпути ее кулак и крепко стиснул тонкое, но сильное запястье.

— Мне кажется, для первой встречи столь близкое знакомство несколько преждевременно.

Мужчина разжал пальцы, отпуская датчанку.

— Если ты немедленно не уберешься отсюда, рыжая, мне придется связать тебя и увезти с собой. Думаю, за тебя можно получить неплохой выкуп.

После этих слов он повернулся к девушке спиной и направился к своему коню.

— Назови свое имя, кельт! — услышал Дэвид приказ датчанки, уже поднимаясь в седло.

Мужчина неторопливо расправил поводья и взглянул на девушку. В ее вызывающей позе отражалось несгибаемое упрямство. Несколько мгновений Дэвид молчал, затем чуть заметно улыбнулся и беззлобно поинтересовался:

— Хотелось бы узнать, чем я заслужил такое внимание?

— Имя! — настаивала рыжеволосая валькирия.

— Ну что ж, — миролюбиво произнес черноглазый мужчина, — мне нечего скрывать. Меня зовут Дэвид Винс.

— Я запомню твое имя, — многозначительно пообещала датчанка.

— Буду несказанно счастлив, — иронично ответил тэн.

— Я обязательно найду и убью тебя, Дэвид Винс!

Мужчина от души рассмеялся.

— Буду с нетерпением ждать новой встречи с тобой, моя красавица! — и с этими словами он въехал в воду.

Когда вороной вдоволь напился, Дэвид продолжил прерванный неожиданной стычкой путь. Девушка топнула ногой и гневно прокричала в спину удаляющемуся всаднику:

— Это не шутка, кельт! Никто еще не осмеливался обращаться со мной подобным образом, я отомщу тебе!

Мужчина только махнул на прощание рукой и пустил галопом своего жеребца.

— Хороший у тебя конь, кельт, — зло прошипела датчанка, глядя вслед воину, — уверена, его очень украсит чепрак из твоей шкуры.

Подобрав шлем, она заторопилась к своему коню, продолжавшему спокойно пастись неподалеку. Девушка взвилась в седло и с силой ударила жеребца пятками по холеным бокам. Тот с оглушительным ржанием вскинулся на дыбы и поскакал в сторону, противоположную той, куда направился черноглазый воин.

Как всегда, пиршество затянулось за полночь. Большинство викингов были уже совершенно пьяны, хотя некоторые все еще не хотели сдаваться и продолжали наполнять свои кубки

Конунг¹ Хальфдан, отец Фриды, высокий, могучий, еще не старый датчанин со светло-каштановыми волосами и серыми, со стальным блеском глазами достаточно много выпил, но он никогда не напивался до того бесчувственного состояния, когда человек не способен владеть ни собственным телом, ни, что еще хуже, языком. Конунг увлеченно обсуждал с одним из своих приближенных ярлов², удастся ли королю Альфреду, сплотив своих подданных, дать отпор датскому конунгу, и сумеет ли предводитель норманнов Гутрум укрепиться на завоеванных землях. Ожидалось последнее решающее сражение с войском англосаксов под командованием короля Альфреда. Дружина конунга Хальфдана находилась в резерве и ждала особого распоряжения Гутрума, чтобы покинуть Восточную Англию и примкнуть к основному войску датчан, расположившемуся возле Рединга.

В огромном зале бывшей трапезной аббатства Дэннер было шумно. Высокие сводчатые потолки и стены, когда-то расписанные прекрасными фресками на сюжеты из жизни святых, покрылись толстым слоем копоти; дым от очагов щекотал ноздри и щипал глаза; длинные дубовые столы ломились от разнообразной снеди, а слуги и рабы продолжали подносить все новые и новые блюда. В горячительных напитках тоже не было недостатка. Викингам уже прискучило только пить и объедаться, постепенно веселое пиршество превращалось в разнузданную оргию. Воины принялись заигрывать с прислуживающими на пиру женщинами, многие из которых не противились домогательствам изрядно выпивших, и оттого чрезвычайно любвеобильных викингов.

Большинство воинов Хальфдана были датчане, но среди них встречались и норвежцы, отличавшиеся высоким ростом и светлыми волосами. В бою они не знали себе равных по силе и свирепости. Среди норвежцев конунг особенно выделял Свега Берхарда. Этот молодой ярл обладал всеми достоинствами настоящего викинга, дикого и безжалостного. Свег был истинным “королем моря”. Сейчас он с вожделием наблюдал за танцем красивой черноволосой девушки с манящими карими глазами. Томные, грациозные движения саксонки возбуждали его, и наконец, он не выдержал.

— Поди сюда, красавица, — вкрадчиво проговорил норвежец, — думаю, нам есть что сказать друг другу.

Чуть хриловатый чувственный голос норманна, в довершение к его красивой мужественной внешности, всегда оказывал неотразимое воздействие на женщин. Девушка бросила на викинга быстрый взгляд и лукаво улыбнулась, поведя плечами. Она сделала знак музыкантам, и те заиграли быстрее, постепенно наращивая темп. Саксонка вся отдалась неистовому танцу. Викинги отреагировали восторженным ревом, но Свег не дал им долго наслаждаться прекрасным зрелищем. Он поднялся со скамьи и одним прыжком, с грацией дикого хищника,

¹ Конунг - военный вождь у скандинавских народов в средние века.

² Ярл - родовая знать у скандинавов в раннее средневековье.

перемахнул через широкий стол. Схватив танцовщицу за украшенное витыми серебряными браслетами запястье, рывком привлек девушку к себе и жадно припал к ее губам. Та послушно прильнула к широкой мускулистой груди викинга, обвивая руками его крепкую шею. Свег подхватил девушку на руки и донес до ближайшего стола. Склонившись к танцовщице, викинг что-то негромко проговорил ей на ухо. Саксонка кокетливо захихикала, зардевшись от его слов. Норвежец смахнул со стола посуду и на освободившееся место усадил девушку. Все его действия сопровождалось одобрительным хохотом и криками викингов. Со своего места конунгу хорошо был виден весь зал. С добродушной усмешкой Хальфдан наблюдал за бесстыдно совокупляющейся парой. Следовало признать, что Свег был хорош не только в сече. Конунг перевел взгляд на выход из зала и заметил свою красавицу-дочь. Она стояла в проеме широко распахнутых тяжелых дверей трапезной и недовольно оглядывала безудержно веселящихся викингов. Наступало время, когда даже самые распутные из женщин стремились покинуть разгульное общество мужчин, но Фрида не боялась ничего. Она одинаково хорошо владела мечом и секирой, без промаха метала кинжал и превосходно стреляла из лука. Конечно, девушка уступала в силе большинству мужчин, но этот недостаток окупался ее ловкостью и подвижностью.

Ленивой поступью датчанка следовала мимо столов, заваленных объедками и заставленных недопитыми кубками, и восхищенные взгляды еще не до конца упившихся воинов провожали ее высокую стройную фигуру с дивными распущенными волосами. Отец с гордостью смотрел на свою прекрасную дочь.

Свег, закончивший свое дело с танцовщицей и отпустивший ее, наградив на прощание увесистым шлепком по нижней части тела, увидел Фриду и его синие глаза загорелись. Датчанка поймала восторженный страстный взгляд викинга и насмешливо фыркнула, гордо вскидывая голову. Ее огненные волосы на мгновение взметнулись и вновь упали ей на спину, ослепив мужчин своим волшебным блеском. Фрида остановилась, когда Свег шагнул к ней, преграждая путь. Девушка надменно взглянула на мужчину и нетерпеливо спросила:

— Что тебе нужно, ярл? Говори или уходи прочь с моей дороги.

Фрида, как обычно, была одета в мужскую одежду. Она не любила рядиться в звериные шкуры, подобно большинству воинов ее отца, предпочитая короткую легкую тунiku и штаны из тончайшей нежной кожи. Гибкую талию девушки стягивал широкий пояс, выгодно подчеркивавший изгибы прекрасно сложенного тела.

Норвежец с нескрываемым восхищением оглядел датчанку и остановил взгляд на ее небольшой, идеальной формы груди. Фрида нахмурилась. Она выбросила вперед руку, украшенную массивным золотым браслетом, и с силой толкнула бесцеремонного викинга в грудь. Свег покачнулся, но не отступил.

— Ты все такая же дикарка, Фрида, — негромко проговорил он. — Когда же ты, наконец, превратишься в настоящую женщину? Тебя по-прежнему влечет только звон мечей? Никогда не видел девушку, которая испытывала бы такую жажду крови.

— Быть чей-то наложницей и покорно сносить мерзкие ласки мужчин — ты это называешь быть настоящей женщиной? — вскинула брови Фрида.

— Если бы не твои длинные волосы, тебя можно было бы принять за мужчину, — насмешливо произнес норвежец, намеренно стараясь оскорбить девушку.

— У тебя тоже длинные волосы, ярл, но почему-то никто не принимает тебя за женщину, — спокойно, парировал Фрида.

Ответом ей был громовой хохот викингов. Свег насупился. Конунг с интересом наблюдал за ним, зная, как его лучший ярл горд и не привык быть посмешищем в глазах соратников.

— У тебя чересчур длинный язык, Фрида, не пора ли тебе его укоротить? — мрачно сказал норманн.

— Не беспокойся за меня, ярл, — едко отозвалась датчанка. — Смотри, как бы тебе самому не отрезали язык или кое-что другое.

Хальфдан восхищенно покачал головой, глядя на дочь. Она гордо стояла перед норвежцем, упершись обеими руками в бока, и с вызовом смотрела на того.

— Ты маленькая избалованная девчонка, Фрида, — зло бросил Свег. — На месте твоего отца я бы хорошенько всыпал тебе за неуважение.

Реакция девушки была молниеносной. Непредсказуемость ее поведения всегда играла ей на руку. Девушка нанесла норвежцу резкий, сильный удар в солнечное сплетение, и могучий воин согнулся, с трудом лоя воздух открытым ртом. Фрида же не ограничилась этим: сцепленными в замок руками она с остервенением ударила Свега по шее, и он рухнул на колени. Датчанка схватила викинга за волосы и приставила мгновенно выхваченный из ножен кинжал к его горлу. Наклонившись к мужчине, она с ненавистью прошипела:

— Никогда больше не смей называть меня маленькой девочкой, ярл, иначе в следующий раз я убью тебя!

Хальфдан не мог больше сдерживаться и захохотал, восхищенный дикой выходкой дочери. Окружающие вторили конунгу. Не смеялись только Свег и Фрида. Они обменялись такими яростными взглядами, что всем стало ясно: отныне эти двое — заклятые враги, но Хальфдан не боялся за дочь. Фрида всегда умела постоять за себя.

— Один³ не дал мне сыновей, — громко произнес конунг, — но он послал мне дочь, которая с лихвой заменит целую дюжину сыновей. Не каждый отец может похвастать, что его сын — берсерк⁴, но иметь дочь берсерка, это и вовсе неслыханно!

До краев наполнив свой кубок элем, он выпил его до дна, а затем с размаха хватил золотым сосудом о стену. Мягкий металл сплюснулся от мощного удара и со звоном упал на каменные плиты. Дружинники с удовольствием последовали примеру своего предводителя.

Как обычно, Фрида поднялась, едва забрезжил рассвет и, одевшись, сразу направилась в конюшню. Рыжий Омфал, увидев хозяйку, приветственно всхрапнул и принялся нетерпеливо стучать передним копытом в предвкушении утренней скачки по покрытым росой лугам. Фрида накинула узду на горделивую голову жеребца и вывела его в проход между стойлами. Прежде чем оседлать Омфала, она внимательно осмотрела каждое копыто коня. Порой в скачке излишне горячий жеребец делал засечки, и, опасаясь, что он может поранить сухожилия, Фрида всегда забинтовывала его передние ноги от бабок до колен. Пройдя щеткой по лоснящимся бокам и спине животного, девушка одобрительно хлопнула коня по крутой холке и начала седлать его. Она легко вскинула на спину коня тяжелое седло и без особых затруднений затянула подпругу. В своей обычной манере Фрида не поднялась, а взвилась в седло, натянула поводья, и Омфал загорцевал на месте, встряхивая головой и позванивая удилами. Двери конюшни были распахнуты настежь, свежий утренний воздух приятно охлаждал лицо. Девушка дала Омфалу резкий посыл, и конь рванулся вперед, подвижный и горячий, словно лесной пожар.

Жеребец с всадницей вынесся на широкий двор. Вокруг по-прежнему было тихо. Викинги отсыпались после вчерашней попойки. На всем пути от дверей конюшни до ворот бывшего аббатства Дэннер, а теперь резиденции датского конунга Хальфдана и его дружины, навстречу девушке попались только два воина. Один из них, датчанин Эрвин, еще совсем молодой мужчина с темно-русыми волосами и медово-кариими глазами, приветственно взмахнул рукой. Фрида приостановила Омфала, и он беспокойно закрутился на месте, сдерживаемый твердой рукой всадницы.

— Как дела, Эрвин? — дружелюбно прокричала девушка. — Голова не трещит с похмелья?

³ Один - верховный бог в скандинавской мифологии, бог войны.

⁴ Берсерк - неистовый воин, охватываемый одержимостью во время сражения.

В ответ датчанин лишь усмехнулся.

— В таком случае встретимся, как обычно, на площадке для боя, — воскликнула Фрида и дала волю своему нетерпеливому скакуну.

Эрвин восхищенно смотрел вслед девушке. Они с Фридой были друзьями. Эту пару частенько видели вместе. В бою они сражались бок о бок, прикрывая друг друга, и не раз спасали один другого от, казалось, неминуемой смерти. Как и большинство дружинников Хальфдана, Эрвин был влюблен в дочь конунга, но она не поощряла изъятие нежных чувств: воины отца всегда оставались для нее только соратниками. Окружающие ее мужчины, да и то немногие, могли рассчитывать лишь на дружеские отношения. Никаких намеков на любовные чувства Фрида не признавала, и те, кто дорожил ее дружбой, не решались докучать ей страстными признаниями. В свои семнадцать лет датчанка не знала любви и с негодованием отвергала шуточные замечания отца, что, когда-нибудь она все же станет жертвой отравленной стрелы этого всепобеждающего чувства.

Увидев приближающуюся девушку с огненными волосами на таком же пламенном коне, и зная, как она нетерпелива и быстра на расправу, стражники поторопились открыть перед всадницей ворота.

И вот уже стены аббатства остались далеко позади. Вокруг простиралась бескрайняя зеленая равнина, покрытая невысокими пологими холмами. Омфал стремительно мчался вперед; его сильные мышцы неумоимо работали под тонкой шелковистой шкурой. Ветер свистел в ушах Фриды, развеивал ее рыжие волосы, наполняя сердце девушки божественным восторгом. Она упивалась безумной скачкой. Было так прекрасно ощущать себя здоровой, сильной, красивой и свободной, как птица. Жизнь казалась Фриде бесконечной, полной приключений и новых битв, ожиданием чего-то особенного и неповторимого. Вскоре чувства, переполнявшие душу наездницы, достигли такого накала, что она уже не могла сдерживать их, и из груди Фриды вырвался ликующий крик. Омфал принял это на свой счет и перестук его копыт стал чаще. Казалось, будто земля сама несется навстречу, а коню только остается переставлять ноги.

Назад в аббатство они возвращались неторопливым аллюром. Солнце, уже поднявшееся над горизонтом, щедро посылало на землю свои золотые лучи.

Каждый новый день Фрида начинала по однажды заведенному распорядку. Утренняя скачка давала ей огромный заряд энергии на целый день, хорошо подготавливая расслабившиеся за ночь мышцы к тренировке с мечом. В этих упражнениях ее партнером обычно был Эрвин, к которому девушка относилась как к брату.

Когда Фрида въехала в Дэннер, викинги только начали просыпаться. Многочисленная прислуга сбивалась с ног, занимаясь приготовлением завтрака для большого количества мужчин, отличающихся очень хорошим аппетитом. Порой девушке казалось, что у воинов отца лишь две страсти: обжорство и похоть. На ее взгляд, викинги отдавали предпочтение только этим, столь горячо любимым ими занятиям, напрочь забывая о другом, более важном и достойном настоящих мужчин деле — войне.

Фрида подозвала одного из местных жителей, пятнадцатилетнего Тэда, как всегда терпеливо ожидающего ее возвращения, и велела ему позаботиться об Омфале. Девушка доверяла молодому конюху, исполнительному и серьезному юноше, самозабвенно любящему лошадей. Он всегда уделял особое внимание Омфалу, горячему породистому жеребцу, не менее прекрасному, чем его хозяйка, которую Тэд боготворил, считая самой необыкновенной женщиной на свете.

Датчанка направилась к колодцу, на ходу отвечая на приветствия викингов. Без труда подняв с помощью тяжелого деревянного ворота большую бадью, до краев наполненную чистой колодезной водой, Фрида с наслаждением напилась и ополоснула лицо студеной влагой. Умывшись, девушка выпрямилась и откинула на спину волну своих густых роскошных волос. Вдруг ее лицо омрачилось. Фрида вспомнила вчерашнюю встречу с кельтом, забравшим ее меч, и

заскрипела зубами от ненависти. Этот меч с искусно вырезанной из янтаря рукоятью девушке подарила отец, когда ей исполнилось двенадцать лет. Рука Фрида скользнула к висящему на поясе кинжалу. Это тоже был подарок отца в пару к мечу, названному ею на английский манер — Лэк, что означало, “скрывающийся в засаде”. И вот теперь Лэк, к которому за все пять лет, что Фрида владела им, никто, кроме нее, не прикоснулся, находился в руках врага. Круто развернувшись, девушка пошла к главному зданию аббатства, где располагались покои конунга и его ярлов. Она хотела немедленно поговорить с отцом. Хальфдан всегда потакал капризам дочери и выполнял все ее прихоти. По дороге к отцу девушке встретился Эрвин, и на его вопрос, почему она не на площадке для боя, Фрида только нетерпеливо отмахнулась:

— Это может подождать. У меня есть дело поважнее.

Эрвин удивленно взглянул на девушку, но не решился расспрашивать.

Фрида стремительно взбежала по лестнице на второй этаж здания, прошла по галерее, свернула в правое крыло и едва не налетела на Свега, вышедшего из дверей своей опочивальни. Норвежец стоял на ее пути, угрюмо глядя на девушку.

— Дорогу! — потребовала она.

Свег не пошевелился, словно не слышал ее слов. От его тяжелого взгляда дрогнула бы неприступная каменная крепость, но только не Фрида. Она поняла выражение лица норвежского ярла, и ее рука легла на рукоять кинжала. Ноздри викинга яростно раздувались, глаза сузились.

— Ты похож на дикого быка, ярл, — насмешливо вздернула свои точеный подбородок девушка. — Не удивлюсь, если сейчас ты начнешь рыть землю копытами и замычишь!

Свег дернулся, и его красивое лицо исказила злобная гримаса. Неизвестно, что предпринял бы взбешенный норманн, но в этот момент за его спиной послышались уверенные тяжелые шаги. Появление конунга разрядило напряженную обстановку. Ярл тотчас же освободил дорогу и ушел, одарив Фриду на прощание взглядом, полным смертельной угрозы.

— Фрида, ты снова сцепилась с Берхардом? — вместо приветствия сурово спросил Хальфдан у дочери. — Что вы не поделили на этот раз?

— Ничего особенного не произошло, отец, — пожала плечами девушка.

Она подошла к конунгу и поцеловала его в щеку. Фриде пришлось привстать на цыпочки, чтобы дотянуться до его лица. Несмотря на свой высокий рост, девушка казалась маленькой и хрупкой рядом с могучим мужчиной. Фрида любила отца и не стыдилась проявления своих нежных чувств к нему. Хальфдан сразу же оттаял. Он ласково потрепал дочь по щеке и пытливо заглянул в ее обычно яркие зеленые глаза, чем-то омраченные сегодня.

— Что случилось с моей валькирией? — поинтересовался конунг. — Вижу, ты хочешь мне что-то сказать. Я готов выполнить любое твоё желание, если это будет в моих силах. Итак, слушаю тебя, дочь.

Фрида медленно шла рядом, раздумывая с чего начать. Девушке было нестерпимо стыдно рассказывать отцу, как ее разоружил какой-то кельт и она могла быть убита, но враг даровал ей жизнь под тем лишь предлогом, что она женщина. Родись она мужчиной, ей никогда не пришлось бы выслушивать оскорблений и намеков, что женщина не может быть хорошим воином и война не место для нее. К тому же Фриде приходилось признать: она, сколько бы не упражнялась и не совершенствовала свои воинские навыки и умения, никогда не сможет сравниться по силе с лучшими из мужчин. Едва ли в честном поединке один на один ей удалось бы победить Свега Берхарда. Норвежский ярл по праву считался сильнейшим из воинов. На его счету были сотни блистательных побед как на поле брани, так и в обычных поединках, и в боях до смерти в честь Одина, причем не только с мечом и секирой, но и без оружия. Мощь его мышц была сокрушительна. Фрида не раз с горящими от восторга глазами наблюдала, как молодой норвежец без особых усилий выходил победителем из любых, даже самых опасных схваток. До вчерашней стычки с ним ей ни разу не приходилось выяснять отношения со Свегом, и она вряд

ли отважилась бы на это, но то, как обошелся с ней английский воин, так легко выбивший из ее рук меч, и его назидательный тон, настолько взбесило Фриду, что она совершенно потеряла голову от злости, услышав почти те же самые слова из уст еще одного мужчины. Высокомерие Свега Берхарда и Дэвида Винса не знало границ! Какое они имеют право обращаться с ней, как с несмышленной маленькой девочкой! И Фриде хотелось заставить их считаться с собой.

Видя дочь погруженной в глубокие раздумья, Хальфдан остановился и повернул Фриду к себе. Приподняв за подбородок лицо дочери, отец внимательно взгляделся в ее глаза.

— Ты никогда не была такой нерешительной, Фрида, — неодобрительно проговорил он. — Можно подумать, ты чего-то боишься!

Зеленые глаза девушки гневно блеснули. Конунг с улыбкой наблюдал за ней, поняв, что нашел верный подход к дочери.

— Никто никогда не посмел бы обвинить меня в трусости! — резко воскликнула Фрида, вызывая восторг своей ярко-рыжей гривой. — Ты знаешь, я ничего не боюсь! Нет, это не страх. Просто мне стыдно, отец, мне так стыдно!

И в подтверждение этих слов ее нежные щеки окрасились ярким румянцем.

— Что же такого ужасного ты совершила? — с интересом спросил конунг. — Стыд! Я думал, ты не подвержена этой болезни. Чего может стыдиться такая отважная девушка, как ты?

— Я потеряла Лэк, отец! — призналась Фрида. — Я потеряла меч, который ты подарил мне.

— Как это произошло? — удивился Хальфдан.

— Вчера я встретила одного кельта...

— И вызвала его на поединок! — перебил ее отец.

— Да, так и было, — кивнула головой девушка. — Он выбил из моих рук Лэк и забрал его.

— Удивительно, как он не убил тебя, — заметил конунг.

— У меня слетел с головы шлем, а он сказал, что не убивает женщин.

— Чему я, сказать по правде, очень рад, — серьезно произнес Хальфдан. — Иначе я лишился бы своей любимой дочери.

— Но еще никто ни разу не сумел одолеть меня! — запальчиво вскричала Фрида. — А этот ублюдок выбил меч и забрал его себе, сказав, что это неподходящая игрушка для женщины.

— Теперь я понимаю, почему ты с такой яростью набросилась на Свега, — кивнул головой отец. — Ведь он повторил слова кельта.

— Да, я была очень зла вчера, — вздохнула дочь, — и нажила непримиримого врага, который теперь будет ждать удобного момента, чтобы расквитаться со мной.

— Свег Берхард едва ли посмеет мстить открыто, — задумчиво произнес конунг, нахмурив густые темные брови, — но ты должна быть начеку, Фрида. Этот норвежец — опасный человек, и я не вполне доверяю ему.

— Порой нельзя положиться даже на самого себя, — ответила Фрида. — Словно сам Лофт⁵ подталкивает меня, и я ничего не могу с собой поделать.

— У тебя слишком горячая кровь, — ласково сказала отец, обнимая помрачневшую дочь. — Но тебе всего лишь семнадцать, девочка моя. Ты еще очень молода и научишься сдерживать свои чувства.

— Да, отец, порой я веду себя очень неразумно. Я никогда не думаю о последствиях. Один не дал твоей дочери мудрости, конунг, — с горькой усмешкой проговорила юная воительница.

⁵ Лофт - еще одно имя бога огня Локи в скандинавской мифологии.

— Но он наделил тебя храбростью, — возразил Хальфдан. — А за то священное безумие, которое охватывает тебя в сече, Фрида, я не пожалел бы ничего. Но мне этого не дано.

— Твой разум трезв и расчетлив, отец, — с горячностью воскликнула девушка. — Это более ценно, чем слепая ярость. Конунгу не пристало багроветь от злости и брызгать слюной. Едва ли воины пошли бы за таким вождем, а в твоей дружине — лучшие из лучших.

— Ты говоришь так потому, что я — твой отец, — улыбнулся Хальфдан, — а родственная любовь слепа.

— Не всегда, — возразила дочь. — Кстати, о моих недостатках, — добавила она. — Я очень честолюбива и злопамятна. Выполни мою просьбу, отец!

— И чего ты хочешь? — живо спросил конунг.

— Голову кельта! — с ненавистью проговорила Фрида, и ее зеленые глаза потемнели, как море перед бурей.

— О! Так ты еще и кровожадна к тому же, — пошутил отец, а потом вновь стал серьезным. — А тебе известно его имя?

— Да, он назвал себя, — мрачно ответила девушка. — Его зовут Дэвид Винс!

— Дэвид Винс? — переспросил конунг. — Я знаю твоего кельта, дочь.

— Ты можешь пленить его, отец? — настойчиво вопрошала Фрида.

— Тебе нужна только его голова? Без тела? — рассмеялся Хальфдан. — Напрасно. Этот кельт могуч, словно Тор⁶, и прекрасно сложен.

— Он нужен мне живой, — свирепо отозвалась девушка. — Я сама отрублю его тупую башку.

— С тупой башкой он не был бы одним из самых влиятельных подданных королевства Уэссекса, — проворчала отец.

— Кельт — приближенный короля Альфреда? — поразились Фрида.

— Вот именно. Кажется, я знаю, где его можно найти. Надеюсь, это обойдется нам малыми потерями.

— Спасибо, папочка! — девушка радостно кинулась ему на шею. — Ты самый лучший отец на свете!

— Да, — важно ответил тот, — я умею баловать свою дочь!

— Ты всегда умел баловать женщин, — от души рассмеялся Фрида. — Я слышала, как Этель отзывался о тебе, утверждая, что ты один из немногих мужчин, которые понимают, чего хочет женщина!

Хальфдан только усмехнулся в свою пышную бороду.

⁶ Тор - бог грома, бури и плодородия в скандинавской мифологии.

Глава 2

Фрида стояла возле узкого стрельчатого окна и в уже сгустившихся сумерках старалась рассмотреть, что происходит внизу на широком дворе бывшего монастыря. Обычно девушка ложилась спать рано, и сон ее был крепок, но сегодня ей не спалось.

Покои Фриды располагались на втором этаже одной из башен красивого каменного здания, где, до того, как войска датчан вступили на английскую землю и стали диктовать свои условия, жили монахи. На территории аббатства Дэннер было много самых разнообразных построек: прекрасная часовня с остроконечной крышей, жилые помещения для монахов и послушников, уютные дома для гостей монастыря, сыроварня, мельница, винодельня, просторные теплые конюшни, хлев и птичник.

Дружина Хальфдана расположилась в священной для англосаксов обители с удобством, на которое люди конунга не могли бы рассчитывать в любом другом месте. Здесь же, за высокими каменными стенами монастыря, в аскетически обставленных, но достаточно просторных и хорошо защищенных от непогоды кельях, викинги жили почти в роскоши. В холодных северных странах, таких как Норвегия и Дания, норманны обитали в тесных полутемных домах, что обуславливалось суровым климатом их родины.

Фрида пристально всматривалась в силуэты всадников в воинском облачении, но в неясном свете факелов, огни которых трепетали на ветру, ей было трудно узнать тех, кто приехал в такой поздний час в Дэннер. Она топнула ногой, в сердцах помянув троллей, этих злых духов, которые только и делают, что вредят людям, затем, совершенно потеряв терпение, девушка громко воскликнула, обращаясь к своим соотечественникам:

— Чего ради вы вооружились до зубов, викинги? Разве уже начались военные действия?

— Спускайся вниз, Диса⁷, — послышался голос старого датчанина Рагана, бывшего на протяжении двадцати лет верным другом и советником конунга. — Мы припасли для тебя нечто особенное.

— Неужели? — с любопытством осведомилась датчанка. — Что бы это могло быть?

— Принимай подарок, Фрида! — крикнул другой воин, в котором она узнала своего друга Эрвина.

— Хорош подарочек, нечего сказать, — недовольно проворчал еще один норманн.

Девушка хотела спросить, в чем же, наконец, дело, но в этот момент раздался стук в дверь. Фрида отодвинул засов, и в комнату вошел ее отец.

— Что ж ты не встречаешь гостя, дочь? — с улыбкой спросил конунг. — Невежливо заставлять ждать себя человека, которому жаждешь отрубить голову. Думаю, ты должна потопиться оказать ему гостеприимство.

— Так это правда, отец? — зеленые глаза девушки хищно блеснули. — Значит, Эрвин и Раган не шутили, говоря, что привезли мне подарок?

— Ты обижаешь меня, Фрида. Разве я когда-нибудь обманывал тебя? Я всегда держу свое слово или не даю его вовсе.

Девушка радостно рассмеялась и, чмокнув отца в щеку, начала торопливо переодеваться. Нисколько не смущаясь его присутствия, Фрида спустила с плеч ночную рубашку и осталась совершенно обнаженной.

Глядя на высокую стройную фигуру дочери, на ее матовую белую кожу и рыжие, вспыхивающие золотыми искрами волосы, конунг вспомнил свою прекрасную юную жену Глэдис, и вновь испытал острое чувство печали, так и не покинувшей его, хотя прошло уже долгих семнадцать лет. Когда молодой Хальфдан встретил Глэдис, она была почти в том же возрасте,

⁷ Диса - женщина-воин, женский дух битвы, подобный валькирии.

что и Фрида. Едва увидев Глэдис, мужчина понял, что именно о такой женщине он мечтал. Любовь с первого взгляда всецело завладела их сердцами. Оба были молоды, красивы и хотели прожить вместе долгую счастливую жизнь, воспитать прекрасных детей, но злая судьба распорядилась по-другому. После тяжелых родов Глэдис умерла, оставив безутешного вдовца и малютку-дочь. Если бы не забота о малышке, которую Хальфдан назвал суровым и гордым именем Фрида, он едва ли справился бы со своим горем.

Спустя пять лет, уже будучи избранным военным вождем-конунгом, Хальфдан женился во второй раз, но его новая жена оказалась бесплодной, и через два года он отправил ее обратно к отцу, дав ей развод. С наложницами ему тоже не повезло. Они родили ему двоих сыновей, но ни один из них не прожил долго. После этого конунг больше не искал себе жену.

В это время военный предводитель Гутрум собирал войско для завоевания новых земель и Хальфдан примкнул к нему. Так он оказался в Англии. Дочь конунг взял с собой, намереваясь воспитать ее мужественной и нестигаемой, настоящей валькирией. Своей цели он добился: Диса — таково было прозвище Фриды. С двенадцати лет девочка начала принимать участие в битвах. Одна старая хейд⁸ предсказала, что Фрида станет бесстрашной воительницей, и ей будет сопутствовать удача, пока девушка не полюбит. Когда отец передал дочери слова прорицательницы, та только презрительно усмехнулась, внимая последним словам предсказания, и уверенно заявила, что никогда не полюбит, стало быть, ей нечего бояться. В битве она вела себя безрассудно, отдаваясь сече со страстью, с какой ни одна женщина не отдавалась мужчине, и до сих пор Фриде везло. Она ни разу не получила раны, страшнее легкой царапины, и ни один волос не упал с ее горячей головы.

Глядя на одевающуюся дочь, конунг с грустной улыбкой отметил, как одновременно похожа и вместе с тем отличается Фрида от своей покойной матери. Девушка унаследовала от нее огненно-рыжие волнистые волосы, молочно-белую кожу, яркие зеленые глаза, но у его жены они были широко распахнуты, доверчиво глядя на мир и с безграничной нежностью на своего возлюбленного супруга; взгляд же Фриды казался надменным и жестким. У обеих были выгнутые крутой дугой темные изящные брови, но у матери в их изгибе виделась почти детская непосредственность, а у дочери — упрямство и насмешливое пренебрежение. Губы, розовые и нежные, тоже отражали совершенно противоположные черты характера. Рот Глэдис был покорным и чувственным, а на губах Фриды всегда лежал отпечаток холодной решимости и упорства. В гневе их порой искажала яростная гримаса, и в этом поистине волчьем оскале, проявлялся весь буйный и кровожадный темперамент девы-воительницы, обычно скрывающийся за холодной маской ее лица, не дававшей возможности увидеть истинную сущность страстной необузданной натуры. Его жена была кротка и нежна, а дочери достался властный и настойчивый характер отца. Глэдис не отличалась высоким ростом и силой, ее гибкая фигурка являлась идеалом изящества и хрупкости, Фрида же была высока и сильна, ее рост и тренированные мышцы позволяли ей выдерживать длительные изнуряющие походы и сражения наравне с мужчинами, но мускулистое тело девушки не выглядело грубым. Тонкая талия, стройные бедра, длинные ноги, изящные кисти рук и щиколотки ног в сочетании с небольшой грудью и умеренно развитыми плечами, а также мужская одежда и шлем, скрывающий главный козырь девушки — ее дивные волосы, делали Фриду похожей на совсем юного, довольно хрупкого, но отличающегося хорошим здоровьем и выносливостью еще безусого юношу. Однако более внимательный наблюдатель смог бы заметить присущую только женщинам пластичность и грациозность, несмотря на подчас резкие движения датчанки. Фрида редко носила женский наряд, отдавая предпочтение не длинным, сковывающим свободу активных действий платьям, а узким штанам из кожи и тунике⁹. В холода она накидывала короткий плащ, подбитый мехом

⁸ Хейд - ведьма.

⁹ Туника - рубашка с короткими рукавами.

и скрепленный на плече золотой фибулой¹⁰. Фрида никогда не старалась подражать мужчинам, но постоянное общение с жестокими и грубыми воинами наложило определенный отпечаток на ее поведение. Она нисколько не стеснялась в резких выражениях, а от ее бесцеремонности порой краснели даже мужчины. Хотя девушка оставалась девственницей, в это почти невозможно было поверить, особенно тем, кто плохо знал ее. Фрида часто становилась свидетельницей оргий, учиняемых соотечественниками, но она преспокойно могла находиться рядом и хладнокровно рассуждать о лошадях и битвах, не поведя бровью, даже если на расстоянии вытянутой руки от нее жестоко насиловали захлебывающуюся от истощения женщину или же парочка совокуплялась с обоюдным друг для друга удовольствием, сопровождавшимся страстными вскриками и вздохами. Это нимало не волновало Фриду. Для нее существовала только война и подготовка к ней.

Девушка быстро оделась и выскочила из комнаты. Стремительно сбегав вниз по лестнице, она оказалась во дворе, где, спешившись, викинги ожидали воительницу, чтобы передать ей пленника, продолжавшего неподвижно восседать на своем великолепном смоляном коне, демонстрируя явное безразличие к собственной незавидной судьбе. Его черные глаза равнодушно скользили по стоящим возле него викингам. Смуглое лицо пленника несколько оживилось при появлении высокой стройной девушки, в которой он узнал своего недавнего противника, довольно неудачно скрестившего с ним мечи. Она глядела на него, вызывая улыбку. Уже совсем стемнело, но даже под мрачным покровом ночи было видно, какие ослепительно белые зубы у датчанки.

Ветер усилился, обещая непогоду. Огненные языки факелов метались, словно пляшущие демоны, вырвавшиеся из преисподней, и в их непрерывный круговорот было нечто мистическое. Рыжие волосы Фриды бились на ветру как те огни, что освещали ее фигуру призрачным светом.

Дэвид против воли засмотрелся на скандинавскую красавицу, настолько необычным был весь ее облик. Он никогда прежде не встречал подобной женщины. После стычки с ней мужчина часто вспоминал воинственную деву, словно ураган набросившуюся на него у реки.

— Как же вы изловили его? — спросила Фрида, обращаясь к Рагану. — Наверняка, этот мужлан доставил вам уйму неприятностей.

— На что не пойдешь ради твоих прекрасных глаз, Диска! — осклабился датчанин. — Конечно, этот кельт силен, как племенной бык, но мы выбрали момент, когда он меньше всего ожидал нападения.

— И где же вы его завалили?

— О! Мы взяли его совсем еще тепленьким, — смеясь, заявил Тьерри-норвежец. — Он еще не успел остыть после любовных утех со своей шлюхой.

Черные глаза Дэвида зло сверкнули при этих словах.

— Так вы сволокли его прямо с бабы? — цинично осведомилась Фрида.

— Почти так и было, Диска! — ответил Эрвин, с восхищением глядя на девушку.

Викинги весело заржали. Рыжеволосая датчанка тоже усмехнулась, и вновь обратив свой взгляд на пленника, проговорила с нескрываемым торжеством:

— Вот мы и встретились с тобой, кельт! Я обещала, что найду тебя и убью, теперь ты полностью в моей власти.

— Ну что ж, — холодно отозвался Дэвид, — теперь твоя взяла. Делай, что хочешь, мне безразлично.

— Тебе все равно? — насмешливо приподняла темные брови Фрида. — Значит, ты не боишься смерти?

¹⁰ Фибула - брошь.

Английский воин лишь повел плечом. Его запястья были крепко связаны ременными путами. Дэвид попробовал пошевелить онемевшими пальцами и поморщился, почти не чувствуя их.

— Потерпи еще немного, кельт, — зло бросила девушка, заметив его движение. — Я приготовила для тебя нечто, что понравится тебе еще меньше, чем связанные руки.

— Я не собираюсь сопротивляться, красавица, — отрезал мужчина, высокомерно глядя на датчанку. — Надеюсь, ты помнишь наш прошлый разговор. Я не воюю с женщинами!

— Нет, я не забыла! — яростно прошипела Фрида, сжимаю кулаки. — И ты сполна заплатишь мне за все, ублюдок!

— Твой язык похож на змеиное жало, — едко усмехнулся Дэвид. — Жаль, что сейчас слишком темно и я не могу рассмотреть не раздвоен ли он у тебя, как у ядовитой гадины.

— Ты слишком самоуверен, кельт, — процедила сквозь зубы датчанка, но я заставлю тебя покориться!

— Тебе не хватит терпения, детка, — спокойно отозвался пленник. — И давай поскорее покончим с этим, я устал.

— Конечно, возня с девками изматывает, — понимающе кивнула Фрида, — даже таких жеребцов, как ты.

Дэвид только презрительно хмыкнул. Про себя он с невольным сожалением отметил, что девушка порочна до мозга костей. Ни одна из женщин, которых он знал, и Аделла в том числе, не смогла бы столь хладнокровно произнести такие грубые слова, не вызвавшие у Фриды ни малейшего смущения.

— Ну-ка спустите этого красавчика на грешную землю! — приказала она.

Дэвид с удивлением отметил, с какой готовностью викинги бросились выполнять указания этой девчонки. Было заметно, что расположение рыжеволосой соплеменницы много значило для норманнов. Больше всех старался угодить девушке самый молодой из викингов, выгодно отличающийся от остальных мужчин. Юноша был высок, строен и довольно красив. Сделав определенный вывод, английский тэн с презрением взглянул на горделиво стоящую датчанку, ожидающую, когда воины исполнят ее приказание. Однако Фриду мало волновало, о чем думает пленный кельт. Будучи свобододолюбивой и независимой натурой, девушка привыкла прямо смотреть в будущее, не оглядываясь назад. Фрида шла по жизни с высоко поднятой головой, не зная жалости и сострадания, и никогда не отличалась терпимостью к недостаткам других людей, снисходительно относясь к своим.

Не желая, чтобы его стаскивали с лошади, Дэвид перекинул ногу через холку коня и спрыгнул на землю.

— Уведи коня в конюшню, Эрвин, — распорядилась Фрида,

Тот самый молодой викинг, которого Дэвид определил в любовники к датчанке, взял Клиффа¹¹ под уздцы и повел прочь. Вороной жеребец недоверчиво захрапел, но не стал артачиться и пошел за юношей. Дэвид с сожалением смотрел вслед своему коню, испытывая сильное неудовольствие, что его верный боевой товарищ достанется ненавистным завоевателям.

— Раган и Тьерри, возьмите пленника и следуйте за мной! — отдала новый приказ девушка, и викинги вновь беспрекословно ей повиновались.

Фрида уверенной поступью направилась вглубь двора. Дэвид двинулся вслед за ней, норманны нашли по обеим сторонам от него, держась на полшага позади. Датчанка следовала вперед, не оборачиваясь, полностью уверенная в своей безопасности. Она держала свой путь к главному зданию бывшей святой обители, где в подвале находилось монастырское узилище, куда заключали нарушивших обет монахов. Девушка заранее присмотрела подходящую темницу для пленника, выбрав самую сухую и просторную.

¹¹ Клифф - с английского означает утес, скала.

Проходя мимо других построек, Фрида отметила, что все окна темны: их обитатели уже давно спали, но сама она была слишком возбуждена и не чувствовала усталости, хотя обычно в это время суток видела уже десятый сон.

Достигнув нужного им здания и, взяв еще по одному факелу, они начали спускаться вниз по широким каменным ступеням. Нижние помещения повторяли расположение верхних покоев. Длинный с высоким сводчатым потолком коридор терялся во мраке, уходя, казалось, в бесконечность. Раган непроизвольно сделал жест, оберегающий от злых духов. В этот момент девушка оглянулась, и ее губы тронула легкая насмешливая улыбка, но она промолчала, щадя чувства старика-датчанина. Ее глаза встретились со взглядом черноволосого кельта, и оба ощутили неясный укол в сердце. Фрида отвернулась от пленника и, сделав еще несколько шагов, остановилась перед незапертой железной дверью с небольшим оконцем. Девушка распахнула ее и смело шагнула вперед, приглашая спутников следовать за ней. Они оказались в просторной камере, разделенной на две части решеткой из толстых металлических прутьев. В ней находилась еще одна дверь, на этот раз запечатая. Фрида сняла с пояса витую цепь из белого серебра с бронзовым ключом, отперла дверь и, повернувшись к Дэвиду, подняла вверх факел, желая увидеть выражение его лица. Мужчина с интересом осматривал свое новое жилище, но и только, никаких других чувств не отражалось на его смуглом лице. Фрида недовольно бросила:

— Заходи!

Дэвид молча протянул руки, указывая на стягивающие запястье ремни.

— О, не торопись! — насмешливо улыбнулась девушка. — Ты еще сможешь вдоволь насладиться неволей.

Англичанин равнодушно кивнул и, наклонив голову, чтобы не задеть перекладину низкой дверцы, шагнул в свою темницу. Фрида вошла вслед за ним и осветила толстое железное кольцо, намертво вмурованное в каменную кладку. Затем, вставив факел в специальную медную подставку на стене, она обратилась, к Тьерри:

— Немедленно отправляйся за кузнецом! Он знает, что надо взять с собой, я уже говорила с ним.

Речь шла о саксонце по имени Вустер, жившем в небольшом селении недалеко от аббатства. Керл¹² был хорошим кузнецом, способным выковать не только отличный меч, но и любую другую вещь, даже элегантную женскую брошь. Фрида первая узнала о Вустере и, оценив по достоинству его мастерство, приказала ему работать в Дэннере. Вначале он было заартачился, но затем дал согласие при условии, что будет иметь дело с датчанами только через Фриду. Подумав, она не стала наказывать строптивного кузнеца. Девушка не знала, чем же она прельстила угрюмого несговорчивого сакса, однако Вустер добросовестно выполнял всю работу, которую она ему поручала.

— Уже поздно. Фрида, кузнец наверняка давно спит. Что, если он откажется прийти?

— Если Вустер заупрямится, — высокомерно отозвалась датчанка, — скажи ему, что он мне очень нужен. Но он придет, я уверена!

— Хорошо, я постараюсь, — сердито буркнул норвежец, отправляясь выполнять поручение.

Дэвид некоторое время стоял посреди темницы, затем подошел к стене и опустился на покрытый свежей золотистой соломой пол. Фрида нетерпеливо прохаживалась вдоль железной решетки. Левая рука девушки была заложена за спину, правая покоилась на янтарной рукояти кинжала. Неожиданно Фрида остановилась перед сидевшим в непринужденной позе пленником. Почувствовав взгляд датчанки, он поднял глаза.

— Надеюсь, ты не потерял мой меч? — Фрида старалась скрыть волнение, которое неизменно охватывало ее при воспоминании о Лэке.

¹² Керл - в 9-11 веках феодально-зависимые крестьяне в Англии.

— Нет, он в надежном месте, — охотно отозвался Дэвид. — Ты хочешь еще о чем-нибудь спросить меня, Фрида?

— Это все, о чем я хотела узнать, — успокаиваясь, проговорила та.

— У тебя красивое имя, девочка, — мягко улыбнулся кельт, поудобнее устраиваясь на соломенной подстилке. — Оно очень подходит тебе.

— Я знаю! — самоуверенно отозвалась девушка, возобновляя дефилирование вдоль решетки.

Раган стоял по другую сторону железной загородки и громко зевал, почесывая бороду.

— Можешь идти спать, Раган, — проговорила Фрида. — Благодарю тебя за службу.

— Мне бы не хотелось оставлять тебя наедине с этим кельтом, Диса, — старый воин недоверчиво покосился на пленника.

— Ты же прекрасно знаешь, дан, — сказала девушка, гневно глядя на викинга, — мне не нужны заботливые няньки. Я сама могу защитить себя. Иди! А с этим... — она пренебрежительно кивнула в сторону спокойно дремавшего кельта, — я справлюсь без твоей помощи.

— Ну что ж, в таком случае я действительно пойду, — охотно согласился Раган. — Моим старым костям необходим отдых.

И он направился к выходу из подвала, с опаской освещая темные углы здания, страшась мести со стороны злых духов, обитающих, по его мнению, во всех оскверненных святых местах.

Когда гул шагов старого датчанина затих, под сводами коридора на какое-то время установилась тишина, нарушаемая чуть слышным потрескиванием факела. Оглянувшись, Фрида решила, что освещения явно недостаточно и вечно недовольный Вустер непременно начнет ворчать. Она отправилась в соседнее помещение за дополнительными факелами, оставив пленника одного. Когда датчанка вернулась, Дэвид продолжал все так же неподвижно сидеть, положив связанные руки на согнутые колени и склонив голову. Черные, как смоль, волосы упали на лицо мужчины, и Фриде оставалось догадываться, спит ли он на самом деле или лишь притворяется спящим. Впрочем, ее это несколько не интересовало. Девушка вновь нетерпеливо прошла вдоль решетки и с раздражением щелкнула пальцами, начиная злиться на нерасторопного кузнеца. Она не привыкла ждать, ее терпение истощилось, и Фрида была готова сама отправиться за Вустером, чтобы устроить ему хороший разнос.

— Этот сакс, определенно, напрашивается на неприятности. В следующий раз я спущу с него шкуру! Неповоротливый старый боров!

Слушая, как девушка продолжает поносить кузнеца, Дэвид невольно улыбнулся. Фрида была горяча и несдержанна на язык и английский тэн не сомневался, что датчанка непременно исполнит свое обещание в отношении керла.

Когда в конце длинного коридора послышались быстрые шаги, девушка пошла навстречу, но ее постигла разочарование: она увидела приближающуюся фигуру Эрвина.

— Похоже, Тьерри заснул по дороге, — недовольно проворчала Фрида и вернулась обратно, бросив на молодого датчанина недовольный взгляд зеленых кошачьих глаз.

Эрвин в очередной раз убедился: ему не на что надеяться и давно пора перестать мечтать о девушке, но ему было легче вырвать сердце из своей груди, нежели разлюбить Фриду. Молодой мужчина тяжело вздохнул, и его золотистые глаза наполнились печалью.

— Ты не видел этих двух лентяев, Эрв? — девушками мельком взглянула на расстроенное лицо своего друга. — А что случилось с тобой, дан? Я не узнаю тебя, можно подумать, что ты обпился несвежего кваса.

Дэвид хмыкнул, слушая речи датчанки. Он хорошо знал язык, на котором говорили чужеземные завоеватели, и теперь с интересом ждал ответа викинга.

Во взоре Эрвина промелькнуло отчаяние.

— Да что с тобой Эрв? Язык ты проглотил, что ли? Может, ты, как и Раган, боишься злых духов? Уверяю тебя, здесь их нет, пожалуй, кроме вот этого христианской дьявола, — кивнула она на пленника.

Под мрачными сводами монастырского узилища прозвучал звонкий залиvistый смех Фриды. Подняв голову, Дэвид встретился взглядом с изумрудными глазами датчанки. Рыже-волосая красавица одарила его нарочито-лучезарной улыбкой и гордо вскинула голову. В этот момент она была так удивительно хороша, что у английского тэна захватило дух. Он поторопился отвести взгляд от замершей в величественной позе девушки, заставившей его на мгновение забыть, по чьей прихоти он оказался в плену.

Эрвин продолжал упорно молчать. Фрида, пожав плечами, взяла факел и вышла из камеры. Угрюмое молчание обычно общительного и жизнерадостного юноши озадачивало ее, она не понимала столь быстрой перемены в настроении своего друга. Фрида не могла даже представить себе, каким простым словом можно было объяснить поведение Эрвина — ревность! Впервые в жизни он приревновал Дису к пленному англичанину, хотя для этого, как он и сам видел, не было ни малейшей причины, но Эрвину страстно захотелось убить кельта. Безошибочное чутье влюбленного подсказывало ему, что красивый черноволосый тэн крайне опасен не только как воин и противник, а как мужчина и соперник. Догадайся Фрида, какие мысли занимали голову молодого датчанина, она бы пришла в неописуемую ярость, и Эрвин понимал, что должен быть крайне осторожным и осмотрительным, чтобы невзначай не показывать чувств, овладевших им сегодняшней ночью. Он сознавал, что ревновать Дису было безумием, но ничего не мог с собой поделать. Неразделенная любовь обрекает на страдания, а ревность иссушает душу, как раскаленный южный ветер выжигает дотла сочную зелень, превращая некогда плодородные щедрые земли в мертвую пустыню.

Когда, наконец, послышались приближающиеся голоса Тьерри и Вустера, Эрвин встрепенулся, обрадованный их приходом, надеясь отвлечься от своих тяжелых мыслей. Фрида тоже выглядела довольной, однако не преминула отчитать кузнеца:

— Клянусь всеми Богами, сакс, если в следующий раз ты снова заставишь себя ждать, тебе несдобровать! Я собственноручно выдеру тебя плеткой. Уверяю, даже твоей дубовой шкуре придется несладко.

Кряжистый кузнец с сурово насупленными лохматыми бровями, заросший густой светло-рыжей бородой, всем своим обликом напоминал Тора, скандинавского бога грома.

— Я наслышан о твоей горячности, госпожа, — пробурчал он, сбросив с плеч увесистый мешок, — но надеюсь, ты не поступишь подобным образом с таким мастером, как я.

— Ты умен, Вустер, — одобрительно усмехнулась девушка, — и все же я не советую тебе испытывать мое терпение. Его запас ничтожно мал, а сдерживать свой гнев я не привыкла.

— Слишком много воли дал тебе твой отец, госпожа, — невозмутимо отозвался кузнец и, бросив взгляд на связанного пленника, деловито спросил:

— Так, значит, вот какого зверя ты имела в виду, огненновласая? Он будет неплохо выглядеть на цепи. Хотелось бы услышать, как он рычит.

— Хватит разговоров, сакс! — нетерпеливо прервала Фрида разглагольствования керла. — Уж слишком ты словоохотлив этой ночью. Не зря, видно, про вас, кузнецов, говорят, будто вы знаете с нечистой силой. Днем из тебя и слово не вытянуть, верно, солнечный свет колдунам не по нутру. Развязывай свой мешок и принимайся за дело! Я, да будет тебе известно, по ночам привыкла спать!

Вустер довольно осклабился. Он неторопливо извлек из мешка длинную, позвякивающую железными звеньями цепь с широким металлическим ошейником, затем выложил на пол необходимые ему инструменты.

Датчанка заинтересованно наблюдала за ним. Каждый раз, завидев кузнеца, Фрида не переставала дивиться этому здоровенному саксу со столь могучими ручищами, которыми он

запросто смог бы придушить матерого медведя или сломать хребет дикому туру, но даже рядом с Вустером она не испытывала ни малейшего опасения, помыкая огромным кузнецом, как ей заблагорассудится. Керл ворчал, порой зло огрызался, но всегда все заканчивалось одинаково: саксонец делал то, чего хотела его воинственная госпожа, вслух выражая свое недоумение, с помощью каких чар чужеземная красавица заставляет его подчиняться ей.

Девушка взяла цепь и, намотав ее на ладони, рванула изо всех сил в стороны, затем, зловеще улыбаясь, обратилась к своему пленнику:

— Посмотри сюда, кельт. Я хорошо приготовилась к нашей встрече, тебе не придется скучать!

— Я уже догадался, — холодно ответил Дэвид, едва удостоив датчанку взглядом.

— Тогда приступим! — кинула девушка, швыряя цепь Вустеру. — Встань на колени, кельт!

Английский тэн даже не пошевелился, продолжая спокойно сидеть на соломе, словно не слыша приказа датчанки. Зеленые глаза Фриды вспыхнули гневом:

— Терри! Эрвин! Помогите сэру Винсу! Похоже, страх лишил его возможности двигаться.

Прежде чем викинги успели сделать хотя бы одно движение, Дэвид стремительно вскочил на ноги и угрожающе повел широкими плечами. Эрвин и Тьерри схватили его за руки, принуждая повиноваться приказанию девушки, но кельт оказал сопротивление, не прилагая, впрочем, особого усилия. Он стоял как скала, которую невозможно сдвинуть с места. Видя, что без ее помощи не обойтись, Фрида подошла к пленнику и нанесла ему сзади два молниеносных резких удара стопой по сухожилиям. Ноги Дэвида подкосились, и он рухнул на колени, заскрежетав зубами от ярости.

— Ты, как всегда, неподражаема, Диса! — восхитился Тьерри, продолжая вместе с Эрвином удерживать тэна.

Молодой датчанин, хмуро взглянув на норвежца, воздержался от восторженных возгласов.

— Кажется, кто-то говорил, что не будет сопротивляться, поскольку не воюет с женщинами, — язвительно заметила девушка.

Стоявший на коленях мужчина стиснул кулаки, и ременные путы впились в его напряженные запястья.

— Скажи своим людям, чтобы убирались к черту! — мрачно отозвался он. — Я говорил, что не сражаюсь с женщинами, но это не относится к датским псам.

— Замолчи, кельт! — гневно воскликнула Фрида. — Теперь ты мой раб, и будешь делать то, что я тебе прикажу!

Вскинув голову, пленный тэн в упор взглянул на девушку, и Фрида увидел его черные глаза, полные злости и страстного желания разделаться с ней.

— Что, кельт, твоего терпения тоже ненадолго хватило? Ты уже хочешь укусить меня, а я еще не успела посадить тебя на цепь.

Девушке всегда доставляло удовольствие играть с огнем. Ей нравилось дразнить грозных и самоуверенных мужчин, стараясь вывести их из себя. Дэвид отвел взгляд и крепко стиснул зубы, борясь с искушением броситься на рыжеволосую бестию; на его скулах заиграли желваки.

— Вустер, надевай на него на ошейник! — скомандовала Фрида.

Эрвин, решив помочь кузнецу, ухватил кельта за волосы, мешавшие керлу выполнить приказание девушки. Английский воин, не желая склонять перед датчанином голову, сделал движение, словно собирался укусить молодого викинга за руку. От неожиданности тот отпрянул и разжал пальцы. Дэвид коротко и зло рассмеялся.

— Вот какова храбрость данов, — с нескрываемым злорадством произнес он.

Эрвин рванулся к нему, намереваясь ударить наглого кельта, но Фрида перехватила его кулак и недовольно проговорила:

— Еще одна такая выходка, дан, и я перестану считать тебя своим другом.

С остервенением вырвав руку из железных пальцев девушки, Эрвин ринулся прочь из подвала.

— Это самое умное решение, — спокойно констатировала Фрида поспешное бегство молодого датчанина.

Тьерри лишь махнул рукой, на всякий случай отходя подальше от живописной троицы, состоящей из девушки, кузнеца и коленопреклоненного кельта, предпочитая не вмешиваться в разборки между Дисой и прочими мужчинами. Сам норвежец всегда снисходительно относился к довольно диким выходкам дочери конунга, прощая ей насмешки над собой за ее отвагу и дивную красоту. Более воинственной и неукротимой девы он не встречал за всю свою жизнь, полную жестоких битв и бесконечных скитаний по морям. Много женщин встречалось на его пути, но ни одна из них не сравнилась бы с Фридой — настоящей “королевой моря”, ни в чем не уступающей мужчинам-викингам. Диса была великолепна в сече и не ведала страха. Рожденная, чтобы давать жизнь, Фрида без жалости отбирала ее одну за другой, пополняя список своих побед.

Без малейшей боязни датчанка схватила кельта за длинные пряди смоляных волос и властным жестом заставила гордого воина склонить голову. Вустер без промедления защелкнул ошейник на сильной шее англичанина. Свободный конец цепи кузнец намертво закрепил за кольцо на стене темницы

Дэвид, посаженный на цепь, испытал унижение, подобного которому еще не знал. Он медленно поднялся с колен, встряхнул головой, отбрасывая падающие на лицо волосы и замер на месте, с презрением глядя на свою торжествующую тюремщицу. Потом резко вытянул связанные руки. Фрида выхватила из ножен кинжал и одним взмахом перерезала крепкие ремешковые путы.

— Теперь ты можешь отдохнуть, кельт, — самодовольно улыбнулась она.

Девушка убрала оружие и преспокойно повернулась спиной к пленнику, свободные руки которого и длинная цепь позволили бы ему схватить датчанку и задушить, но, памятуя о данном обещании, Дэвид сдержался, хотя его пальцы против воли тянулись к ее шее. Не глядя на пленника, Фрида с лязгом захлопнул за собой решетку и заперла ее.

Оставшись в одиночестве, тэн дал выход клокотавшей в его груди ярости. Он попытался разорвать тонкую цепь, казавшуюся недостаточной прочной, но его постигла неудача. Стальные кольца были выкованы на совесть. Кузнец знал секрет изготовления очень твердого сплава, который можно достигнуть лишь добавив к железу в необходимой пропорции другие металлы. Выпустив из рук цепь, Дэвид предпринял еще одну отчаянную попытку порвать свою привязь, рванувшись изо всех сил, но все, чего он добился, была лишь израненная до крови шея. Цепь натянулась, останавливая кельта, и та чудовищная сила, которую он вложил в рывок, обернулась против него: ошейник жестоко впился в горло мужчины, душа его, а затем, спружинив, цепь столь резко дернула его назад, что он едва устоял на ногах. Дэвид в бешенстве зарычал, словно огромный дикий леопард и, изрыгая чудовищные проклятия на голову датчанки, вернулся к стене. Некоторое время он стоял неподвижно, глядя на догорающий факел. Когда тот, вспыхнув в последний раз, угас, наступила полная темнота, и тэну ничего не оставалось, как устраиваться на ночлег. Опустившись на пол, он принялся сгребать в кучу солому, щедро устилавшую каменный пол, и, громыхая цепью, уселся на это импровизированное ложе, оказавшееся, как ни странно, довольно удобным.

“Конечно, это не мягкая постель Аделлы, — с горькой иронией подумал он, — но и тут можно неплохо выспаться”.

Глава 3

Мужчина открыл глаза, но его по-прежнему окружала крошечная тьма. Он чувствовал себя вполне отдохнувшим, однако не мог с полной уверенностью утверждать, что уже наступило утро. Дэвид прислушался, стараясь уловить какие-либо звуки извне, но в его темнице были очень толстые стены, и единственным звуком, коснувшимся его слуха, оказался звон собственной цепи, и ничего более неприятного в своей жизни он не слышал. Изменить что-либо теперь было уже не в его силах, ему оставалось только смириться со своей участью, но он дал себе слово, что никогда не признает себя рабом и не даст врагам повода насладиться его унижением. Даже пленный, на цепи, он по-прежнему останется свободным англичанином, чего бы эта сумасшедшая девчонка себе ни вообразила.

Тэн неторопливо поднялся, лениво потянулся, прогоняя сон и, неуверенно потоптавшись на месте, не нашел ничего лучшего, чем снова сесть. Находиться во мраке без малейшего проблеска света оказалось серьезным испытанием даже для столь хладнокровного бесстрашного воина, как Дэвид Винс. В довершение ко всему голод все более настойчиво заявлял о себе. Прежде, чем настроение пленника испортилось окончательно, до его слуха донесся отдаленный скрежет двери, ведущей в подвал, затем послышались тяжелые, явно принадлежащие мужчине шаги, и по мрачным стенам монастырского узилища скользнули слабые блики одинокого факела. Человек вошел в камеру и остановился по ту сторону решетки, пытаясь рассмотреть пленника в скрывавшем его полумраке.

Дэвид узнал в нем одного из викингов, сумевших захватить его врасплох во время встречи с Аделлой. Он криво усмехнулся, припоминая подробности инцидента, когда его, совершенно нагого, выволокли из постели истошно визжащей любовницы. Тогда этот норманн схватил Аделлу за волосы и, приставив к ее нежному горлу остро отточенный нож, предупредил Дэвида, чтобы тот вел себя благоразумно, иначе придется пустить кровь девчонке. Тэну ничего не оставалось, как молча одеться и позволить викингам связать себя.

— Как провел ночь, кельт? — поинтересовался Тьерри, разглядывая неподвижную фигуру пленника. — Наверное, жестковато показалось с непривычки. Конечно, в постели со шлюхой намного уютнее, но судьба изменчива, тебе придется забыть о женщинах.

Дэвид быстро поднялся, угрожающе звякнув цепью. Не удостоив викинга ответом, он бросил на чересчур разговорчивого норвежца полный ненависти взгляд. На Тьерри это не произвело ни малейшего впечатления, и он продолжил свои разглагольствования:

— Послушай меня, приятель, если хочешь сохранить голову, будь покорным, не зли свою госпожу. Дочь конунга скоро на расправу, если ты не смиришься с участью раба, тебе несдобровать.

Внутри Дэвида все клокотало от ярости, но он сдерживал свой гнев. К величайшему сожалению, викинг находился вне его досягаемости. С каким удовольствием пленник свернул бы ему шею, если бы только мог дотянуться до своего врага.

Однако Тьерри спустился в подвал не ради разговоров, он выполнял распоряжение Фриды, велевшей ему утром позаботиться о пленнике. Он принес Дэвиду кувшин воды и миску с едой, состоящей из холодного мяса жареного барана, сыра и хлеба. Все это норвежец просунул между прутьями решетки. У Тьерри не было ключа, чтобы войти к пленнику да, если бы и был, он вряд ли отважился бы приблизиться к английскому тэну, слишком опасному из-за своей недюжинной силы и ярости, в которую его привела Фрида, посадив гордого и отважного воина на цепь, желая показать тому, кто здесь хозяин.

Дэвид бросил мрачный взгляд на еду, поставленную ему на пол словно собаке, и его гнев вышел из-под контроля. Кинувшись к решетке, тэн схватил кувшин с водой. От неожиданности Тьерри отшатнулся, на мгновение забыв, что кельт посажен на цепь и их разделяет

решетчатая преграда. Дэвид со всего размаху швырнул сосуд в стоящего за решеткой викинга. Ударившись о железные прутья, кувшин разлетелся на мелкие черепки, не достигнув цели, только несколько капель воды попало в лицо Тьерри. Миска с едой полетела вслед за кувшином. Викинг с усмешкой смотрел на взбесившегося узника.

— Убирайся прочь, ублюдок! — прорычал Дэвид, потрясая кулаками. — И скажи этой рыжей..., что я не стану принимать пищу от ее прихвостней. Пусть явится сюда сама, мне нужно сказать ей несколько слов!

— Что ж, я передам Фриде твою просьбу, — спокойно отозвался норвежец, в глубине души радуясь, что крепкий засов и цепь надежно удерживают кельта.

Тьерри не желал бы встретиться лицом к лицу с таким противником.

— Просьбу? — взревел пленник, а затем разразился поистине сатанинским хохотом.

Внезапно успокоившись, он проговорил:

— Просьбу? Ну, конечно же, именно просьбу, пусть будет так. Не забудь сказать — я хочу видеть ее одну и больше никого.

Викинг странно посмотрел на него и молча вышел, озадаченно качнув головой.

В этот день Фрида проснулась позднее обычного. Открыв глаза, она не поторопилась встать с кровати как делала всегда по пробуждении, а некоторое время продолжала нежиться под покрывалом, слегка улыбаясь только ей одной известным мыслям. Затем девушка села, спустив ноги на медвежью шкуру, брошенную возле ложа, и взглянула в узкое стрельчатое окно. Увидев, как высоко поднялось солнце, она поспешила покинуть уютную постель. Через несколько мгновений Фрида была готова к утренней прогулке на Омфале. Она сняла висевшие в изголовье кровати ножны с новым мечом, мастерски выкованным Вустером, и тяжело вздохнула. Никакой другой, не менее прекрасный клинок не мог ей заменить утерянного Лэка. Лишь одно утешало Фриду — теперь в ее руках находился человек, забравший любимый меч, и она собиралась хорошенько посчитаться с наглецом, посмеявшимся нанести ей подобное оскорбление. Девушка недовольно повертела ножны в руках, вытащила до половины меч, затем резким движением вернула его обратно и пристегнула оружие к своему поясу.

Сбежав вниз по широкой каменной лестнице, Фрида направилась к конюшням. Ночью прошел сильный дождь, и земля кое-где все еще оставалась покрытой лужами, в которых отражались яркое июньское солнце и голубое безоблачное небо. Такие погожие солнечные дни были редкостью на Британских островах, еще древним грекам известных как Туманный Альбион.

Утренняя уборка денников закончилась, и в конюшне стояла тишина. Управившись с порцией овса, лошади лениво дремали в стойлах. Потревоженные приходом девушки, они на мгновение открывали глаза, а потом снова впадали в дрему. Один Омфал не выглядел сонным. Он деловито рылся в ворохе душистого сена, выбирая соцветия сладкого клевера. Заметив хозяйку, он поднял голову от разворошенной охапки и приветственно заржал. Фрида сняла с крючка уздечку, и жеребец нетерпеливо застучал передним копытом.

— Хочешь размять свои кости, Омфал? — засмеялась девушка, накидывая на вытянутую к ней конскую морду оголовье и вкладывая удила в рот животному. Затем она вывела скакуна в проход между денниками и, с неизменным удовольствием огладив вычищенную до зеркального блеска спину коня, начала седлать его.

Вскоре Фрида уже подъезжала к воротам, которые широко распахнулись при ее приближении. Тьерри, разыскивающий девушку, чтобы передать ей слова пленника, увидел лишь победно поднятый рыжий хвост Омфала, мелькнувший в проеме ворот.

День обещал быть жарким, и датчанка отправилась к реке с намерением вдоволь поплавать в приятной прохладной воде, а заодно искупать коня. Она спешила на берегу реки в том самом месте, где несколько дней назад встретила Дэвида Винса.

Фрида никогда не привязывался своего скакуна. Она сама объезжала и обучала Омфала и была абсолютно уверена, что он послушно подойдет к ней по первому же сигналу. Расседлав коня, девушка отправила его пастись, а сама спустилась к реке и сбросила на песок свою одежду. Она вошла по колену воду и остановилась, любуясь широкой лентой реки, лениво плескавшейся у ее ног, с наслаждением подставляя тело ласковому теплу солнечных лучей.

Внезапно послышался резкий крик ястреба, высматривающего добычу. Фрида подняла голову, заворуженно следя за полетом пернатого хищника, жалея, что не умеет летать и никогда не сможет увидеть землю с высоты птичьего полета. Но не только она одна заметила парящего в вышине ястреба. Маленькие птички, только что беззаботно перекликавшиеся в кустах, умолкли и притаились, с опаской косясь на парящего с широко распластанными крыльями врага. Большая птица неспешно плыла в яркой синеве бездонного неба, время от времени оглашая воздух пронзительным криком. Одна из птах, забившихся в гущу ветвей, не выдержала нервного напряжения и вспорхнула. Зоркие глаза ястреба уловили ее движение; сложив крылья, он стремительно ринулся к добыче, не обращая внимания на присутствие человека. Заметив приближающегося хищника, крохотная птичка жалобно пискнула и постаралась вновь укрыться в густых спасительных зарослях, но опоздала. Быстрый, как молния, ястреб нанес ей сокрушительный удар своим крепким крючковатым клювом и мгновенно схватил цепкими когтистыми лапами маленький окровавленный комочек. Громко хлопая крыльями, кровожадная птица взлетела и, набрав высоту, исчезла из вида, только два невесомых перышка, кружась, медленно опустились на влажный песок.

Зайдя поглубже в реку, Фрида окунулась в чистую зеленовато-голубую воду и быстро поплыла, наслаждаясь свежестью влаги, приятно охлаждающей ее разгоряченное тело. Оказавшись далеко от берега, она перевернулась на спину и устремила взгляд в голубую высь. Вокруг стояла умиротворяющая тишина, и непривычное для мятежной души Фриды спокойствие снизошло на нее.

Вволю наплававшись, девушка вышла на песчаную отмель, отжимая мокрые, казавшиеся сейчас совсем темными волосы, и издала замысловатый призывный свист. Омфал поднял голову от сочной зелени и рысью потрусил на зов хозяйки. Вскочив на коня, Фрида верхом въехала в воду. Когда Омфал погрузился в реку по грудь, она соскользнула с его спины и поплыла рядом, ухватившись за гриву. Через некоторое время жеребец повернул назад. На берегу конь и датчанка долго нежились в солнечных лучах, затем Фрида неспешно оделась, оседлала Омфала и, взяв его под уздцы, направилась в Дэннер, решив немного пройтись пешком.

Поставив своего скакуна в стойло, девушке захотелось взглянуть на коня кельта. Клиффа поместили в самом конце конюшни, подальше от посторонних глаз, чтобы он быстрее привык к новому месту.

— Посмотрим, как чувствует себя наш гость, — проговорила Фрида, подходя к деннику, где с ноги на ногу беспокойно переступал вороной жеребец. — Теперь ты тоже мой пленник.

При звуке незнакомого женского голоса конь повернулся крупом к двери стойла и с такой силой ударил задними копытами по деревянной панели, что полетели щепки.

— Хорош! — одобрительно воскликнула девушка. — Думаю, мы сумеем с тобой поладить.

— Достоин своего хозяина! — прозвучал за спиной Фриды недовольный мужской голос. — Этот вороной дьявол так же безумен, как и твой пленный кельт, Диса

— А что с ним? — живо отреагировала датчанка, поворачиваясь к норвежцу. — Ты накормил его, Тьерри?

— Как же, такого, как он, накормишь, — проворчал викинг.

В этот момент Клифф снова лягнул свое стойло. Тьерри кивнул на коня и неодобрительно добавил:

— Английский тэн лягается почти так же, как и его дикий жеребец.

— Что же все-таки случилось? — нахмурила свои изящные брови Фрида.

— Вся еда и кувшин с водой полетели в меня. Если бы не решетка, кельт наверняка размозил бы мне голову. Я искал тебя, чтобы передать его просьбу.

— Неужели Дэвид Винс снизошел до просьбы?! — удивилась датчанка. — Вряд ли это была просьба. Я ведь права, Тьерри?

— Да, это была не совсем просьба, — неуверенно отозвался тот. — Он хочет поговорить с тобой.

— Что ж ты не сказал об этом сразу?

Не дожидаясь ответа, Фрида направилась к выходу из конюшни. Тьерри последовал за ней.

Дэвид, голодный и злой, сидел на соломе и с нетерпением ожидал, когда явится эта само-надеянная датчанка. Он собирался предъявить ей свои требования и добиться их выполнения даже ценой собственной жизни, которая сейчас так мало значила для него. Тэн всегда считал, что умереть на поле брани гораздо достойнее, чем жить в неволе.

Дверь, ведущая из коридора в камеру пленника, с противным скрипом распахнулась, и на пороге появилась Фрида, а вслед за ней вошел Тьерри.

— Здравствуй, кельт, — иронично проговорила девушка, подходя к решетке.

Ее взгляд упал на осколки разбитой посуды, и она спросила, отшвырнув ногой в сторону черепок:

— В чем дело, кельт? Зачем ты хотел видеть меня? Наверное, тебе скучно без общества девок? Придется привыкать.

Дэвид высокомерно глянул на девушку и процедил сквозь зубы:

— Видно, ты и шагу не можешь ступить без своих прихвостней. Почему ты не пришла одна? Неужели ты боишься меня? Я думал, тебе неведом страх, но оказывается это не так.

Фрида обернулась к Тьерри и возмущенно воскликнула:

— По твоей вине меня обвиняют в трусости! Почему ты точно не передал слова пленника? Ну, ладно, Тьерри, оставь нас одних. С тобой я разберусь позже, а сейчас я хочу услышать, что мне желает сказать сэр Винс.

— Надеюсь, ты не собираешься входить к нему в клетку, Диса? — спросил викинг, прежде чем уйти.

— Ты напрасно теряешь время, Тьерри, — в голосе Фриды слышалось нетерпение. — Я сама решу, как мне поступить. Уходи и не зли меня!

Норвежец поторопился выйти, здраво рассудив, что девушка всегда умела постоять за себя. Кроме того, в глубине души викинг почему-то был уверен, что узник не причинит Фриде вреда.

— Вот, теперь мы одни, кельт, — сказала датчанка. — Я готова выслушать тебя.

Дэвид поднялся и подошел к решетке, недовольно глядя на стоящую в непринужденной позе девушку, затем медленно произнес:

— Во-первых, мне хотелось бы узнать твои намерения относительно меня. Помнится, ты горела желанием разделаться со мной. Сколько ты еще будешь медлить?

— Ты так торопишься умереть, кельт? Неужели ты совсем не дорожишь своей жизнью?

— А зачем мне нужна такая жизнь? Участь цепного пса мне кажется более завидной. По крайней мере, он может наслаждаться свежим воздухом и солнечным светом.

— Чего же ты хочешь? Не думаешь ли ты, что я отпущу тебя?

— Разумеется, нет, — резко отозвался пленник. — Я только хотела узнать, когда ты исполнишь свою угрозу.

— Я еще не решила, как поступить с тобой, — честно призналась Фрида.

— Во-вторых, я требую более нормальных условий. Мне бы не хотелось стать слепым, как крот, в этом чертовом подземелье.

— Это все? — надменно осведомилась датчанка. — Хорошо, я распоряжусь насчет факелов. А теперь послушай меня, кельт. Если ты не станешь есть, я прикажу надеть на тебя кандалы и приковать к стене, тогда ты лишишься даже возможности спать.

— Я буду есть только в том случае, если ты сама будешь приносить мне еду, — твердо сказал Дэвид.

— Тогда ты умрешь голодной смертью, тэн! — с яростью воскликнула Фрида. — Я никогда не стану прислуживать тебе!

— Пусть будет так. Лучше смерть, чем неволя, — бесстрастно проговорил пленник.

Выйдя из подвала, Фрида отправилась на поиски Рагана, чтобы отдать ему распоряжение насчет факелов для пленника. Викинга во дворе она не нашла, хотя знала, как старый датчанин любит погреться на солнышке. Обойдя все места, где мог бы находиться норманн, девушка остановила двух воинов, без дела слоняющихся по Дэннеру. Оказалось, один из них недавно встретил старика возле главного здания аббатства, скорее всего, тот направлялся к конунгу. Зная о пристрастии двух друзей к спокойным, требующим длительного размышления играм, Фрида решила, что ее отец и Раган скорее всего начали очередную партию в шахматы.

Открыв массивные дубовые двери с бронзовыми ручками, Фрида ступила на покрытый пушистым персидским ковром пол самой роскошной комнаты монастыря — библиотеки, принадлежавшей бывшему аббату Дэннера, отцу Юстифию, в панике бежавшему в Кент, когда войска датчан захватили Восточную Англию. Большое окно наполняло помещение ярким солнечным светом. Тяжелые бархатные занавеси были широко раздвинуты. Прямо перед окном стоял громадный, красного дерева стол. Над его гладкой поверхностью величественно возвышалась высокая резная спинка кресла. По краям стола располагались серебряные, замысловато выкованные в форме диковинных цветов подсвечники. Стены, справа и слева от просторного окна, занимали массивные, казалось, совершенно неподвластные разрушительному дыханию времени шкафы с витиеватыми узорами на дверцах, запирающиеся на позолоченные замки. Там хранились бесценные, редкие по тем временам рукописные фолианты в деревянных, обтянутых бархатом и кожей окладах, над оформлением которых в течение многих лет прилежно трудились изощренные в каллиграфии монахи. Отец Юстифий, настоятель монастыря, слыл человеком образованным, знал несколько языков, интересовался науками. Он собрал богатую библиотеку не только богословской, но и светской литературы.

Хальфдан, ценящий истинную красоту и знающий толк в книгах, не позволил разрушить аббатство, хотя многие из его ярдов ратовали за то, чтобы стереть непокорный Дэннер с лица земли.

— Если мы рассчитываем начать новую жизнь в Англии, — сказал конунг на военном совете перед взятием монастыря, — мы не должны уподобляться вандалам, оставляющим после себя только дым пожарищ и убивающим всех, кто попадется под руку. Нужно быть мудрее, чтобы в дальнейшем снискать расположение местного населения. Если мы оставим Дэннер в целости, это послужит лучшим доказательством, что мы хотим установить мирные отношения с жителями на завоеванных нами землях. Англосаксы уже уступили датскому войску Нортумбрию¹³ и Мерсию, и теперь нет необходимости в излишней жестокости.

Благодаря обоснованным доводам Хальфдана и его твердой воле, аббатство подверглось минимальному разрушению, а богатое убранство покоев настоятеля монастыря осталось совершенно нетронутым.

Холодные каменные стены библиотеки были затянуты темно-бордовым шелком в тон занавесям. Напротив окна, возле занимающего полстены камина, у маленького инкрустированного шахматного столика сидели Хальфдан и Раган. Старый датчанин, задумчиво наморщив

¹³ Нортумбрия и Мерсия - королевства англосаксов в 7-9 веках.

люб, безуспешно старался найти выход из создавшегося положения фигур на шахматной доске, а конунг довольно ухмылялся себе в бороду. Завидев Фриду, Хальфдан радостно воскликнул:

— А вот и моя красавица-дочь.

— Здравствуй, отец, — с улыбкой сказала девушка, целуя его.

— Ты уже успела обезглавить своего пленника, Фрида? — поинтересовался конунг, любуясь яркой красотой дочери.

— Еще нет, отец, — отозвалась та, — пусть пока поживет.

— Мне кажется, ты не станешь убивать кельта, — серьезно проговорил Хальфдан. — Разве можно отделять столь красивую голову от не менее великолепного тела? Думаю, ты успела это заметить, Фрида?

Дочь возмущенно фыркнула и с горячностью произнесла:

— Меня несколько не волнует его внешность! Мужчины никогда не интересовали меня, отец, и ты хорошо знаешь об этом.

Конунг, хитро посмеиваясь, возразил:

— Конечно, знаю, но так не может продолжаться всегда, когда-нибудь...

— Отец, прошу тебя, перестань! — сердясь, перебила его Фрида. — Я не хочу ссориться с тобой, тем более из-за какого-то кельта.

— Хорошо, дочка, я больше не буду докучать тебе подобными разговорами, — примирительно сказал Хальфдан.

Присев на подлокотник отцовского кресла, Фрида обняла конунга за шею и с интересом взглянула на шахматную доску, оценивая позицию белых фигур, которыми играл Раган. Она хорошо знала тонкости этой настольной игры, пришедшей в западную Европу из далекой, полной загадок и тайн Индии. Быстро разобравшись в сложившейся ситуации, Фрида решила помочь зашедшему в тупик старому датчанину. Тонкими изящными пальцами она взяла искусно вырезанную из драгоценной слоновой кости белую ладью и одним ходом выровняла соотношение сил партнеров. Раган обрадованно потер руки и с восхищением сказал:

— Ты не перестаешь удивлять меня, Диса! Твой ум так же совершенен, как и твоя красота, достойная самой жены Одина Фригг!

А затем обратился к Хальфдану:

— Ты должен гордиться такой дочерью, конунг.

— Я не устаю возносить хвалу всем Богам за Фриду! — отвечив тот.

— Не стану вам мешать, — проговорила девушка, собираясь покинуть игроков. — Раган, когда закончишь партию, будь добр, отнеси пленнику факелы.

— Я всегда рад услужить тебе, Диса, — согласно кивнул датчанин.

Но на другой день, когда Фрида, завершив свой привычный утренний ритуал, отправилась к пленнику, оказалось, что подвал по-прежнему погружен во тьму. Однако Раган, как сначала подумала девушка, не забыл о ее поручении и выполнил то, что ему было велено. У Фриды совершенно вылетело из головы, что у датчанина не было ключей, чтобы войти к кельту и зажечь факелы, поэтому Раган аккуратно сложил их возле стены.

— Старый трус, — усмехнулась девушка, — он даже не подумал попросить у меня ключ.

Тьерри тоже не забыл о порученной ему миссии: принесенная им еда стояла нетронутой между прутьями решетки. Кельт сидел на своем соломенном ложе и мрачно глядел на датчанку.

— Ты упрям, кельт, — холодно проговорила Фрида.

— Тебя тоже не назовешь покладистой, — парировал тот.

Девушка только пожала плечами в ответ. Она сняла с пояса цепочку с ключом и отперла дверь. Перешагнув порог, Фрида преспокойно прошла мимо сидящего пленника и вставила факел в подставку на стене, а остальные бросила на пол рядом с женщиной.

Дэвид внимательно следил за размеренными действиями датчанки, совершенно не обращавшей на него внимания. Закончив свою работу, она повернулась к пленнику и спросила, кивнув на принесенную еду:

— Так ты не будешь есть, кельт?

В ответ Дэвид только упрямо мотнул головой.

— Ты думаешь, я стану уговаривать тебя? — язвительно осведомилась Фрида.

— Я не нуждаюсь ни в чьих уговорах, тем более в твоих, — отрезал тэн.

— Ну, если не хочешь есть, хотя бы попей! — И девушка единым махом выплеснула содержимое кувшина прямо в лицо пленника.

Словно распрямившаяся тугая пружина, Дэвид вскочил и стремительно, как ястреб, которого Фрида видела накануне у реки, ринулся к ней и крепко схватил ее за плечи.

— Что ты о себе возомнила, сумасшедшая девчонка?! — яростно заорал он, с силой встряхивая девушку. — Твоя наглость не имеет границ!

Но Фриду невозможно было запугать, она всегда умела найти выход из любой, казалось бы, самой безвыходной ситуации. Девушка нанесла мужчине сильный удар кулаком в лицо. Тотчас же отпустив датчанку, кельт разразился ругательствами, хватаясь за начинающий заплывать глаз. Фрида, негромко посмеиваясь, незаметно потерла себе плечи.

— Вот я тебе и напоила, — удовлетворенно заметила она. — А завтра, так уж и быть, я приду накормить тебя.

Фрида заперла за собой дверь и покинула мрачное подземелье.

Утром, едва поднявшись с постели, девушка подошла к зеркалу, представляющему собой большую овальную пластину из гладко отполированного металла, и с интересом взглянула на свое отражение. Фрида внимательно разглядывала свое лицо, изучая его, обращая внимание то на яркие зеленые глаза, то на изящный, безупречной формы нос, то на густые медные волосы, пышной волной падающие ей на плечи. Девушка хотела убедиться, на самом ли деле она так хороша, как о ней говорят. Внезапно Фрида осознала, как необычно ее поведение; она никогда раньше не придавала особого значения собственной внешности, считая это не главным для хорошего воина. Припомнив подробности вчерашнего выяснения отношений с пленником, девушка улыбнулась: кельт получил, что хотел. Несомненное, этот урок пойдет ему на пользу. Фрида отбросила на спину водопад огненных волос и спустила с плеч ночную сорочку. На ее нежной коже четко проступали отпечатки пальцев Дэвида Винса. Датчанка криво усмехнулась, рассматривая синяки, украшавшие ее плечи. Еще ни один мужчина не осмеливался дотронуться до нее, тем более с намерением причинить ей боль. Но этот кельт!..

Фрида не хотела признаваться даже самой себе, что Дэвид Винс произвел на нее неизгладимое впечатление. Она не могла не отметить исключительной красоты английского тэна. Черный цвет волос и глаз кельта удивительно гармонировал с бронзовым оттенком его кожи, придавая облику пленника вид неземного божества, олицетворяющего силы ночи. Этому в немалой степени способствовало выражение лица тэна, неизменно сохраняющее легкий налет саркастической меланхолии, даже когда его черты искажала бешеная злоба. Дэвид Винс казался человеком, добившимся всего, к чему стремился, несколько пресыщенным жизнью и наслаждениями, уже не вызывающими в нем прежнего нетерпения и желания. Наверняка, женщины увивались вокруг красавца-кельта, бросая ему под ноги свою любовь. Кроме того, тэн был так же высок, как конунг Хальфдан или Свэг Берхард, выделяющиеся своим ростом даже на фоне других викингов. Одежда кельта не скрывала его великолепных рельефных мышц. Каждое движение мужчины, полное удивительной пластики и сдержанной силы, роднило его с грациозной черной пантерой. В довершение ко всему Дэвид Винс прекрасно владел мечом, и та легкость, с какой он выбил из ее рук оружие, доказывала, что тэн — прирожденный воин. И хотя датчанка отмечала все качества своего пленника, как если бы оценивала статью породистого

коня, ей пришлось признать, что более совершенного мужчины она еще не встречала. Однако девушка была уверена: она никогда не полюбит, и ее сердце всегда останется свободным.

Фрида отвернулась от зеркала и принялась одеваться. Когда дело дошло до меча, ее лицо омрачилось. Девушке трудно было привыкнуть к своему новому оружию, ее душа не лежала к клинку, заменившему бесценный Лэк, и она даже не захотела дать ему имя. У Фриды не осталось больше желания и времени предаваться размышлениям о пленнике и о мече — Омфал ждал ее в конюшне, и на данный момент это было самым главным.

Вернувшись с прогулки, имеющей для нее почти ритуальную значимость, датчанка переместила своего скакуна на попечение Тэда, а сама отправилась навестить вороного жеребца кельта. Зная, что от долгого бездействия лошади быстро теряют форму и у них портится характер, Фрида намеревалась приручить коня, но едва она подошла к деннику, вороной, как и в прошлый раз, начал бить задними копытами. Никто из конюхов не отваживался заходить к беснующемуся вороному, и его стойло превратилось в настоящий свинарник. Если так будет продолжаться и дальше, то вскоре конь погрузится по самое брюхо в нечистоты. Фрида недовольно сдвинула брови. Необходимо было вывести жеребца из денника. Эта задача усложнялась тем, что вначале следовало надеть на скакуна узду. Фрида подивилась, как Эрвину удалось расседлать коня в тот вечер, когда викинги доставили в Дэннер плененного ими кельта. Она подзвала Тэда, уже поставившего Омфала в стойло, и велела юному конюху не мешкая вычистить денник, когда она выведет вороного жеребца.

— Что вы, госпожа, — испуганно воскликнул юноша. — Вы не должны заходить к нему. Конь убьет вас.

— Не волнуйся, Тэд, — успокаивающе улыбнулся ему Фрида. — Я умею обращаться с лошадьми.

— Я знаю, госпожа, но прошу вас, не делайте этого, — умоляюще глядя на нее, проговорил конюх. — Это не конь, а дьявол!

— Я буду осторожна, — сказала девушка, снимая с крюка узду.

Она подняла щеколду, запирающую вход в стойло, и остановилась, выжидая подходящий момент, чтобы войти внутрь. Когда жеребец взбрыкнул в очередной раз, Фрида молнией скользнула мимо крупа к голове животного. Одно быстрое ловкое движение и вот узда уже надета, а удила вложены. Чувствуя твердую руку, конь замер, недоверчиво кося темно-фиолетовым глазом. Девушка заставила вороного развернуться и под уздцы вывела из денника. Пока юный конюх чистил стойло, не переставая удивляться, с какой легкостью датчанка справилась с непокорным жеребцом, Фрида удерживала коня в проходе между денниками, поглаживая его бархатистую морду. Жеребец стоял спокойно, лишь изредка гладкую шкуру цвета вороного крыла подергивала крупная дрожь. Зная толк в лошадях, девушка не сомневалась, что сумеет подчинить своей воле горячего скакуна.

Поставив жеребца кельта в вычищенное стойло, Фрида отправилась завтракать. Она предпочитала совершать трапезу не в огромном просторном зале, где в будни обедал конунг со своими приближенными и по праздникам устаивались пиры, а на кухне. Здесь, возле очага, было гораздо уютнее, нежели в трапезной, в которой каждый звук отдавался многократным эхом. Кончив завтракать, Фрида некоторое время продолжала сидеть за грубым деревянным столом, глядя на пляшущий в очаге огонь. Вокруг беспрестанно сновали женщины, с утра до вечера хлопотавшие в Дэннере по хозяйству. Некоторые из них приходили из близлежащих селений и, закончив работу, возвращались домой, но большинство, главным образом молодые девушки, оставались в аббатстве и на ночь, не желая расставаться со своими возлюбленными. Редкий воин в дружине Хальфдана не обзавелся подружкой из числа местных жительниц, но еще рано было думать о спокойной семейной жизни. Фрида не понимала, почему Гутрум медлит вместо того, чтобы собрать все свои силы и дать англосаксам решающее сражение. Сама

она горела желанием принять участие в сече, обещающей стать одной из самых жесточенных битв, чего с нетерпением ожидали и ее уставшие от долгого безделья соотечественники.

Взгляд датчанки остановился на невысокой тонкой фигурке одной из женщин в голубом платье и белоснежном переднике, которая отчитывала молоденькую служанку, работающую на кухне. Та безропотно выслушивала наставления, виновато склонив голову. Но вот женщина в голубом платье махнула рукой, отпуская свою подопечную, и девушка поспешила удалиться. Фрида, улыбаясь, следила за действиями находящейся в беспрестанном движении молодой женщины, царящей на кухне, словно королева на балу. Это была Этель, голубоглазая англосаксонка со светло-русыми волосами, заплетенными в две длинные тугие косы. Девушка могла понять, что привлекло ее сурового отца к этой миниатюрной блондинке. Этель выгодно отличалась от всех других женщин не только своей красотой, но и веселым доброжелательным нравом. Вся прочая прислуга настороженно относилась к воинственной рыжеволосой датчанке, считая ее более опасной, чем мужчины, вместе с которыми она появилась в Дэннере верхом на взмыленном коне, в кольчуге и с окровавленным мечом. Они сторонились Фриды, исподтишка бросая на нее быстрые взгляды, в которых любопытство тесно переплеталось с завистью. И только Этель, одна из всех, тепло относилась к девушке, не испытывая скованности в ее обществе. Вот и сейчас, заметив Фриду, саксонка дружески улыбнулась ей и подошла, чтобы перекинуться несколькими фразами.

— Здравствуйте, госпожа. В такую рань вы уже на ногах!

— Не хочу пропускать самое лучшее время дня, Этель, — охотно отозвалась девушка. — И не называй меня больше госпожой, зови меня просто Фрида.

— А я бы, наверное, смогла проспать до полудня, Фрида, — улыбнулась Этель, — но без меня остановятся все дела в Дэннере.

— В последнее время ты перестала навещать нас, — заметила Фрида, внимательно всматриваясь в лицо молодой женщины. — Надеюсь, вы не в ссоре с отцом?

— Мне кажется, что я не нравлюсь ему больше, — с грустью ответила Этель. — Он так холоден со мной в последнее время.

— Будет жаль, если это окажется правдой, и вы расстанетесь, — в голосе Фриды прозвучало искреннее сожаление.

Прежде чем отправиться на площадку для боя, девушка решила отнести пленнику пищу. Мужчина не ел уже два дня, и Фриде не хотелось продолжать морить его голодом и дальше.

Взяв на кухне все необходимое, она спустилась в подвал. Факелы ярко горели, освещая помещение. Кельт сидел у стены, но при появлении датчанки тотчас же поднялся и подошел к решетке. Увидев, что левый глаз тэна полузакрит и на нем красуется большой багровый синяк, девушка не могла сдержать смеха, едва не уронив с подноса глиняный сосуд с водой.

— Ты великолепен кельт, — смеясь, проговорила она. — Этот синяк превратил тебя в неотразимого красавца. Он так тебе идет!

— В самом деле? — ироничный осведомился Дэвид, не без некоторого удовольствия глядя на хохотавшую датчанку. — Ну что ж, я очень рад, если сумел понравиться тебе.

— Я принесла завтрак, — отсмеявшись, сказала Фрида. — Надеюсь, ты голоден?

— Разумеется.

Отперев дверь, девушка передала пленнику небольшой деревянный поднос, и Дэвид жадностью набросился на еду.

— У тебя хороший аппетит, кельт, — заметила Фрида, когда пленник, наконец, насытился.

— Я разочаровал тебя, красавица?

— Нет, — отозвалась девушка, — вовсе нет. Я рада, что ты понял меня, иначе я накормила бы тебя тем же самым способом, каким напоила.

И она снова разразилась веселым звонким смехом.

— Что-то у тебя сегодня слишком хорошее настроение, — проворчал Дэвид.

— Меня очень позабавило твое лицо. Не думала, что так разукрашу тебя.

Мужчина невольно поднял руку, касаясь своего опухшего глаза.

— Как бы твое веселье не стоило мне второго подбитого глаза, — негромко пробормотал он.

— Ты настроен весьма оптимистично, — улыбнулась Фрида.

— А ты еще не решила, когда отправишь меня на тот свет? — спросил Дэвид после некоторого молчания.

Девушка перевела взгляд с пламени факела на лицо пленника. Под маской напускного равнодушия скрывалось напряженное ожидание.

— Нет, — сказала Фрида, — и едва ли это когда-нибудь произойдет.

В темных глазах пленника промелькнула целая гамма чувств, но она не смогла уловить смысл взгляда Дэвида. Презрительно фыркнув, девушка заперла камеру и пошла по коридору к выходу, не собираясь ломать голову над тем, как случилось, что кельт за столь короткий промежуток времени сумел стать важным звеном в ее жизни.

Выйдя из подвала, датчанка направилась к площадке для боя, но снова не обнаружила там Эрвина. Узкие, словно крылья летящей ласточки, брови девушки сердито сошлись на тонкой переносице. После того вечера, когда молодой датчанин, неожиданно вспыхнув, покинул темницу, Фрида его больше не видела. Эрвин не являлся упражняться на мечах и вообще не показывался на глаза дочери конунга. И хотя она легко нашла датчанину замену для своих ежедневных поединков на площадке, ей не хватало его дружеского участия. Новый партнер терпеливо ожидал ее появления. Этот молодой викинг, как и большинство других воинов, был тайно влюблен в датчанку, не питая, впрочем, никаких надежд на взаимность, в отличие от Эрвина, уповавшего на чудо. Небрежным кивком Фрида ответила на восторженное приветствие мужчины и молча обнажила клинок, невольно поморщившись, когда ее ладонь легла на его холодную чеканную рукоять, так разительно отличающуюся от той, другой, словно пронизанной теплом солнечного света. Оглушительный звон мечей, казавшийся девушке дивной музыкой, помог ей избавиться от назойливых мыслей о пленнике.

Глава 4

Последние краски медленно угасавшего летнего заката окрасили небосклон в бледно-лиловые тона. Фрида стояла у окна, очарованная волшебством наступающего вечера, и рассеянно водила черепаховым гребнем по влажным прядям своих шелковистых волос. Она только что приняла ванну с добавлением отвара цветков ромашки и корня череды, придающих приятную бодрость мышцам, утомленным после тяжелых физических упражнений. Почти совсем стемнело, а Фрида все не могла отойти от распахнутого настежь окна, наслаждаясь дуновением легкого теплого ветерка. Нежные чарующие звуки свирели донеслись до ее слуха, и девушка замерла, внимая печальной мелодии, негромко звучащей под таинственным покровом ночи. Неожиданно напев был прерван негодующими выкриками не настроенных грустить викингов, и музыка тотчас же переменилась. Отрывисто зазвенели струны лютни; теперь напев свирели вплетался в резкую воинственную мелодию замысловатым наигрышем, придавая музыке четкий ритм и напор.

Фрида отошла от окна. Швырнув гребень на кровать, она зажгла светильники и взглянула на украшавший стену привезенный из Дании гобелен с искусно вытканной на нем “драконьей ладьей” под полосатым парусом. Корабль отважно боролся с разыгравшейся по воле Ньерда¹⁴ стихией. Девушка вспомнила, как давно не ступала ее нога на дубовый настил ладьи, и ей остро захотелось вновь оказаться на драккаре, почувствовать горьковатый привкус соли на губах и свежий, бьющий в лицо ветер, снова ощутить под ногами бесконечную морскую пучину, еще раз увидеть, как узконосая ладья дерзко рассекает грудью беспокойную водную гладь, простиравшуюся до самого края земли. Фрида с сожалением вздохнула — морских походов в ближайшем будущем не предвиделось. Она вскинула вверх руки, собираясь завязать волосы пышным узлом на затылке, и слегка поморщилась от ломоты в натруженных руках. Да, сегодня она явно переусердствовала в упражнениях с мечом.

Каждое утро после разминки на Омфале, датчанка выводила из конюшни вороного жеребца и заставляла подолгу кружить на корде, чтобы привести его в прежнюю форму. Затем Фрида шла обедать и после небольшого отдыха продолжала совершенствовать свои воинские навыки, заканчивая упражняться почти перед самым заходом солнца. Но, придавая огромное значение физическому развитию, девушка не забывала и о духовной пище. Приняв ванну по завершении напряженного дня, она переодевалась и шла в библиотеку, где проводила вечера за чтением книг или в беседах с отцом. Нередко ее можно было застать играющей в шахматы с Раганом или конунгом. Порой, особенно в ненастье, девушка приказывала растопить огромный, отделанный мрамором камин и подолгу сидела подле него, наблюдая завораживающую игру ярких языков пламени. Фриде не нравилось принимать участие в шумных пирах викингов, обычно превращающихся в настоящие вакханалии. Она любила лошадей гораздо больше, нежели людей, и была с ними терпелива, считая, что к любому, даже самому строптивому из животных, можно найти подход. Уделяя львиную долю своего времени коню кельта, Фрида не торопилась седлать его, и ее усилия не пропали даром. Однажды Клифф встретил девушку негромким приветственным ржанием. И вот настал день испытать вороного под седлом.

Утро выдалось прохладным и очень ветреным. Облака бесконечной чередой, словно волны на море, быстро неслись по низкому небосклону, закрывая солнце и не давая теплым живительным лучам пробиться к земле. Резкий порыв холодного северного ветра заставил Фриду зябко поежиться. Взглянув на небо, становившееся все более мрачным, девушка решила вернуться, чтобы потеплее одеться. Вскоре она снова появилась в дверях, на этот раз в плотной шерстяной тунике с длинными рукавами вместо своего обычного легкого одеяния. Быстрой

¹⁴ Ньерд - скандинавский бог ветра и морской стихии.

походкой датчанка направилась к конюшням, как всегда подтянутая и полная энергии. Даже в мужском платье, с кинжалом у пояса, Фрида двигалась с непередаваемым изяществом и грациозностью, присущей только ей одной.

Золотисто-карие мужские глаза жадно следили за каждым шагом девушки, любуясь ее легкими непринужденными движениями. Словно почувствовав взгляд, она обернулась и посмотрела по сторонам. Во дворе было пустынно, только ветер закручивал тонкие пылевые вихри. Фрида достигла конюшни и скрылась в ее густом полумраке. Хорошо зная привычки дочери конунга, Эрвин, а это был именно он, не покинул своего укрытия, продолжая наблюдение. Через некоторое время из широко распахнутых дверей конюшни появилась девушка, ведущая в поводу оседланного коня. У мужчины вырвался возглас невольного удивления, когда в послушно следующем за Фридой животном он узнал злобного и недоверчивого вороного, принадлежащего пленному кельту. Затаив дыхание, молодой датчанин смотрел, что будет дальше. Девушка остановилась, и жеребец тоже замер на месте, чутко прядая ушами. Фрида осторожно перекинула повод через луку седла. Конь сразу заволновался, переминаясь с ноги на ногу, но девушка ласково похлопала его по крутой холке, успокаивая. В ее руке появилось лакомство и жеребец потянулся за ним. Фрида негромко засмеялась и что-то сказала коню, проверяя подпругу. При виде этой картины Эрвина вновь захлестнула ревность, как в тот вечер, когда девушка перехватила его руку, не позволив ударить проклятого кельта. Тогда-то викинг и решил не видеться с Фридой, пока не сумеет победить это разъедающее душу чувство в самом зародыше, чтобы не стать рабом своей страсти и сохранить уважение к себе.

Девушка поставила левую ногу в стремя, легко приподнялась и оказалась в седле. Она неторопливо разобрала поводья, действуя размеренно и спокойно, ощущая, как напряглись мышцы коня, и он нервно переступил копытами. Фрида мягко натянули поводья, сдерживая жеребца, и чувствуя умелую руку всадницы, горячий скакун покорился ее воле.

Девушка намеренно выбрала ранний утренний час, когда во дворе Дэннера не было ни души, чтобы ничто не потревожило осторожного вороного. Сегодня Омфалу придется подождать своей очереди, впрочем, он не был ревнивым, и Фриде не приходилось опасаться, что рыжий конь обидится на нее. По команде всадницы Клифф двинулся вперед коротким собранным шагом. Фрида набрала повод, с удовлетворением отметив, как охотно откликнулся вороной на посыл, переходя с шага на плавную размеренную рысь. Жеребец подчинялся наезднице, чутко реагируя на малейшее натяжение поводьев и перемену шенкелей¹⁵. Фрида восхищенно улыбнулась: вороной кельта был выезжен безупречно, являясь ярким образчиком идеального боевого коня. Она снова пустила Клиффа шагом, вслушиваясь в ровный и четкий перестук его копыт, не находя ни единого изъяна в движениях лошади. Внезапно девушке пришло на ум: так ли близок во всем к идеалу ее пленник, как и его конь, но тут же с негодованием отбросила столь глупую мысль.

Фрида направила коня к монастырским воротам. Эрвин был не в силах отвести глаз от дивной картины, которую являла собой сказочной красоты девушка с яркими рыжими волосами верхом на черном дьявольском коне, превратившемся в ее руках в послушного и кроткого ягненка. Когда всадница исчезла из поля зрения, мужчина покинул свое укрытие и медленно побрел к конюшне, погруженный в глубокие размышления о своей печальной судьбе, сыгравшей с ним такую злую шутку.

Внутри помещения стояла умиротворяющая тишина, всегда оказывающая благотворное влияние на истерзанную муками безответной любви душу Эрвина. Он любил приходить сюда, особенно когда становилось совершенно невмогуту выносить сердечные страдания. Единственным живым существом, которому Эрвин мог доверить свои самые сокровенные мысли, не опасаясь насмешек и непонимания, был его конь. Только ему одному молодой датчанин мог

¹⁵ Шенкель - внутренняя часть ноги от колена до пятки, средство управления конем.

излить свою боль и ревность. Посреди прохода между денниками стоял привязанный Омфал, и юный конюх с усердием начищал его лоснящиеся бока щеткой. Эрвин остановился поодаль и некоторое время наблюдал за работой юноши. Заметив датчанина, Тэд коротко поприветствовал его, не прерываясь своего занятия.

— А кто из конюхов ухаживает за вороным кельта? Тоже ты? — спросил викинг, устремив задумчивый взгляд в дальний конец конюшни на пустое стоило Клиффа.

— Нет, сэр, — отозвался конюх, вытирая рукавом вспотевший лоб. — Жеребец к себе никого, кроме госпожи Фриды не подпускает. Она сама чистит его и задает корм. Никак не могу понять, как ей это удалось.

— В этом нет ничего удивительного. Фрида — необыкновенная девушка, — проговорила Эрвин, — она может добиться всего, чего пожелает.

— Вы тоже это заметили, сэр? — обрадовано воскликнул Тэд. — Порой мне кажется, что лошади, как и люди, не могут устоять перед ее ослепительной красотой и силой духа, становясь ласковыми, как котята.

— Видно, и ты не остался равнодушным к ее чарам, Тэд?! — невесело, пошутил молодой датчанин.

— Думаю, ни один мужчина не сможет противиться очарованию госпожи Фриды, — серьезно произнес юноша.

— Звучит устрашающе, — усмехнулся Эрвин. — Значит, говоришь, мужчинам нет никакого спасения?

— Служить такой женщине, как она, — величайшее счастье, сэр.

За стенами Дэннера Фрида дала вороному скакуну возможность показать все, на что он способен. Конь без усталости мчал ее по заросшей травой дороге, змеей выходящей среди бескрайних полей. Сильный ветер бил в лицо, отбрасывая назад длинные волосы девушки, распластавшиеся по воздуху словно тончайшая золотая пряжа; хвост коня победно развевался как стяг, венчающий башню непреступной крепости. Несмотря на внушительные габариты Клиффа, его галоп был стремителен и легок. Фрида чувствовала, что скакун, как и она сама, рад этой бешеной скачке, дающей выход неумеренной энергии, кипевшей в крови обоих.

Мысли девушки вновь вернулись к пленнику, бездеятельно томящемуся в подземелье, в то время как его конь наслаждается чистым воздухом и неистовым бегом среди цветущих лугов и полей. Что-то дрогнуло в гордом сердце Фриды, и она испытала недовольство собой, не понимая, отчего ее заботит пленный кельт. Девушка попыталась найти причину навязчивым мыслям об английском тэне и пришла к выводу, что виной всему лишь сожаление о напрасно уходящей силе и красоте молодого мужчины. Точно также Фриде было жаль запертого в тесном деннике вороного, но она никогда не сделает для узника того, что сделала для его коня. Кельт — враг, он будет сидеть на цепи, несмотря на все свое обаяние, и никогда не увидит дневного света. Эти размышления вполне удовлетворили и успокоили девушку, позволив ей отбросить угрызение совести, никогда не испытываемые ею прежде.

Датчанка повернула Клиффа в сторону аббатства. Не доезжая до Дэннера, она спешила и продолжила путь пешком, ведя вороного в поводу. Конь охотно вошел в конюшню, словно она всегда была его домом, спокойно позволил расседлать себя и, очутившись в стойле, уткнулся в кормушку, щедро наполненную ароматным сеном. Омфал, с нетерпением пританцовывая на месте, с готовностью вытянул морду к узде в руках хозяйки. Конь кельта, неистовствующий до тех пор, пока девушка его не приручила, на поверку оказался покладистым и уравновешенным, а Омфал, как свойственно всем лошадям рыжей масти, находился в непрерывном движении, игривый и горячий, словно вырвавшийся на волю огонь. Его характер больше соответствовал неукротимому темпераменту Фриды; Омфал был надежным, незамеченным товарищем, делящим вместе с ней все тяготы суровой и опасной походной жизни. Дат-

чанка никогда не променяла бы своего рыжего красавца на другого коня, даже столь великолепного как Клифф.

После завтрака Фрида в отличном расположении духа отправилась на площадку для боя. Она имела полное право гордиться собой, в очередной раз добившись того, чего хотела. Вороной покорился ее воле и признал в ней свою новую хозяйку, почувствовав в девушке умелую наездницу. Датчанка считала делом чести доводить все, за что бы она не взялась, до совершенства, никогда не останавливаясь на полпути, упорно оттачивая свое мастерство, чтобы доказать, что и в ратном деле женщина может быть не хуже мужчины. Не вынося бездеятельности и лени, отличаясь сильным, властным характером и поистине бешеным темпераментом, Фрида во всем стремилась быть лучшей. Отважная воительница пользовалась среди своих сородичей вполне заслуженным уважением не из-за того, что была дочерью конунга, а за свою исключительную отвагу и презрение к смерти. Скандинавы не имеют привычки раболепствовать перед кем бы то ни было; непререкаемый авторитет у суровых и мужественных людей, коими являлись мятежные викинги, могли завоевать только лучшие из лучших и сильнейшие из сильнейших.

Фрида обрадовалась, увидев Эрвина на площадке для боя, но решила сделать вид, будто его появление совершенно ей безразлично, и датчанина, поспешившего девушке навстречу с восторженным блеском в глазах, ожидал крайне холодный прием. Едва удостоив своего друга взглядом, она с напускным равнодушием отвернулась от сразу сникшего мужчины, заинтересованно слушая другого викинга, гордого вниманием красавицы-Дисы. Наконец, решив, что Эрвин достаточно наказан за свое внезапное исчезновение, Фрида обратилась к нему:

— Где ты пропадал столько времени, дан? Мне казалось, мы с тобой друзья, но видно, я ошибалась.

— Нет, прошу тебя, Диса, не думай так! Я очень дорожу твоей дружбой, просто мне нужно было некоторое время побыть одному...

Датчанин замялся, не зная, как продолжить. Он не мог сказать Фриде о чувствах, испытываемых им к ней не как к другу, а как к возлюбленной.

— Понимаю, — кивнула девушка и со смехом воскликнула, обращаясь к находящимся на площадке викингам, — кажется, наш малыш Эрвин наконец-то нашел себе подружку.

Это заявление вызвало бурное веселье. Пока мужчины обменивались беззлобными шуточками, направленными в сторону Эрвина, Фрида с улыбкой смотрела на его растерянное лицо.

— Я совсем не это имел в виду, Диса, — попробовал возразить он, но девушка только насмешливо покачала головой.

— Ты всегда отличался скромностью, Эрв. Но когда ты снова захочешь уединиться, будь добр, сообщи об этом, чтобы я не беспокоилась о тебе.

— Я не думал, что мое отсутствие беспокоит тебя, Фрида, — чуть слышно пробормотал молодой викинг.

— Мы столько лет вместе, Эрвин, — мягко проговорила девушка, положив руку на плечо датчанина. — Ты мне дорог как брат.

Такие признания были вовсе не в характере Фриды, скупой на похвалы и душевные излишества, но ее слова не доставили Эрвину радости.

— Ну, что ж, начнем бой, — распорядилась девушка, занимая исходную позицию.

В последние дни Фрида очень ненадолго оставалась наедине со своим узником. Во время кратких визитов к пленнику она ограничивалась тем, что молча передавала ему еду на целый день и, взглянув, достаточно ли факелов, уходила, не вымолвив ни слова. Дэвид Винс также не выказывал желания предаваться дружеским беседам, демонстрируя полное безразличие к появлению датчанки, и по его виду никто не смог бы догадаться, каким несчастным и одиноким

он себя ощущал, особенно после ухода девушки. Сознавая свою привлекательность, мужчина надеялся, что его положение изменится, но шли дни, и не было никаких перемен.

Один факел полностью догорел, от другого тоже не было почти никакого проку — он едва теплился, давая больше копоти, чем света. Дэвид, дремавший у стены в своей излюбленной позе, приоткрыл глаза и, бросив ленивый взгляд на угасающий факел, даже не пошевелился, чтобы подняться и запалить новый. Неодолимая апатия овладела им, не хотелось ни думать, ни двигаться. Мигнув на прощание, угас последний источник света, и в подвале воцарился полный мрак, но пленник этого слова не заметил. Закрыв глаза, он снова погрузился в полудремотное состояние.

В дальнем конце коридора слышались легкие быстрые шаги, возвещающие о приближении его тюремщицы, что не вызвало у Дэвида ни малейшего оживления или волнения, как бывало всего еще несколько дней назад. Сегодня узник остался абсолютно равнодушным к визиту красавицы-датчанки. Дверь широко распахнулась и на пороге возникла в свете факела высокая стройная фигура девушки. Английский тэн медленно поднял голову и взглянул на Фриду сумрачными глазами. Он не поторопился встать при ее появлении, да, похоже, и вовсе не собирался делать этого. Девушка шагнула к стене и, выхватив из подставки остатки обгоревших факелов, с раздражением отшвырнула их.

— Наверное, ты сродни летучим мышам, кельт, — сердито заметила она. — Почему ты не заменил факелы? Или ты научился видеть в темноте?

Пленник никак не отреагировал на ее слова. Датчанка начала злиться. Она вставила в подставку горящий факел и хотела зажечь другой, но, проходя мимо пленника, зацепилась ногой за полускрытую соломой цепь и споткнулась. Это послужило поводом незамедлительно выместить свое дурное настроение на неподвижно сидящем мужчине.

— Твоя лень едва не стоила мне разбитой головы, чертов придурок! — с яростью накинулась она на пленника, наградив его пинком, тотчас же выведшим Дэвида из оцепенения, в которые он впал, словно медведь, завалившийся в спячку.

Со звериным ревом кельт в одно мгновение вскочил на ноги и схватил девушку за волосы.

— Жаль, что ты не разбила свою безмозглую голову! — с ненавистью прорычал он. — Но я с радостью помогу тебе!

И с этими словами Дэвид грубо рванул датчанку за длинные рыжие пряди, намереваясь выполнить свою угрозу. Сейчас он был по-настоящему опасен, однако Фрида не растерялась. Моментально оценив складывающуюся явно не в ее пользу ситуацию, она поняла, что, если взбешенный мужчина ударит ее со всего размаха головой о стену, это может стоить ей жизни. Ловко извернувшись и не замечая боли в натянутых, словно струны волосах, девушка с силой ударила кельта коленом в пах. Все тело мужчины пронзила острая боль, заставившая его, отпустив датчанку, согнуться пополам. Издавая нечленораздельные звуки, Дэвид с трудом удерживал равновесие, и Фрида не смогла отказать себе в удовольствии еще раз поставить англичанина на колени, что не составило для нее особого труда. Резкий удар стопой по голени, и он оказался на полу, корчась от боли. Глядя на поверженного гиганта, датчанка ощутила пьянящий восторг от сознания своего могущества, как в тот день, когда одержала вверх над Свегом Берхардом.

— Помнится, ты интересовался, когда я тебя отправлю в мир иной, кельт, — высокомерно процедила она. — Я могла бы убить тебя сейчас, но смерть — слишком быстрое освобождение от всего, и с моей стороны было бы крайне глупо просто лишить тебя жизни. Нет, кельт, ты не умрешь, ты будешь жить. На цепи, в подвале, день за днем ты будешь продолжать жить. Ты возненавидишь свою никчемную жизнь, но будешь продолжать жить. Все, чего я хочу, — это насладиться твоими мучениями, которые ждут тебя впереди. Ты станешь вечным узником подземелья и никогда больше не увидишь солнечного света.

По мере того, как девушка произносила эти слова, ее лицо становилось все более ожесточенным. Дэвид поднял голову и его порастил взгляд датчанки. В изумрудных глазах Фриды не осталось почти ничего человеческого. Чудовищная злоба, плескавшаяся в них, заставила мужчину содрогнуться. Он ощутил панический ужас, словно рядом с ним в этот момент находилось некое демоническое существо — вервольф, человек-волк, оборотень, ибо обыкновенному смертному просто неведома подобная ненависть. Через мгновение дикий блеск в глазах датчанки угас, уступив место ледяному равнодушию.

— Теперь ты знаешь, какая судьба тебя ждет, кельт. Ты, словно пес Гарм, стерегущий вход в пещеру Гнипахеллир, будешь вечно сидеть на цепи в этом подземелье. А теперь прощай.

— Ведьма! Рыжая ведьма! — только и сумел выдавить из себя Дэвид.

Но Фрида больше не удостоила его ни словом, ни взглядом; круто развернувшись, она стремительно вышла.

Девушка вновь и вновь прокручивала в голове подробности своей стычки с пленником. Радость по поводу одержанной победы померкла, едва она покинула подземелье, уступив место острой досаде на саму себя. Фрида была уверена, что ни один мужчина не простит женщине такого унижения, которому она подвергла англичанина, и это отчего-то ее огорчало. В характере Дэвида Винса угадывались многие положительные качества, крайне редко встречающиеся в людях. Только отец всегда был для девушки идеалом, олицетворением мужественности, надежности и мудрости. Когда Фрида сравнивала с ним других мужчин, в окружении которых воспитывалась с самого раннего детства, это оказывалось не в их пользу. Иным из них, умным и отважным, не хватало физического совершенства, другие же при наличии великолепного тренированного тела, снискав славу непревзойденных бойцов, на поверку оказывались напыщенными болванами, лишенными благородства и великодушия. Несмотря на всю испытываемую датчанкой ненависть к кельту, он, без всякого сомнения, был достоин уважения и доверия. Дэвиду Винсу, как и отцу Фриды Хальфдану, была отвратительна ложь, и в любой ситуации он оставался самим собой, не корча из себя героя или мученика. Одержав над кельтом верх, девушка не считала свой поступок правильным, но ярость ослепила ее, вновь пробудив в ней берсерка. Датчанка всегда гордилась этой чертой своего характера, относя на ее счет свою удачливость и неуязвимость в схватках, однако нынешняя победа совсем не радовала девушку. Кельт был врагом, но Фрида многое бы отдала, чтобы иметь такого друга. Мужчины всегда сами предлагали ей свою любовь и преданность, как высшей благодати ожидая хотя бы одного благосклонного взгляда, но Дэвид Винс был не из их числа, его дружбу нужно было заслужить.

Нет! Пусть все остается, как есть. Мужчины, какими бы исключительными они не были, ей безразличны, она не нуждается ни в их дружбе, ни, тем более, в их любви. Горделиво расправив плечи, Фрида улыбнулась. Война! Вот для чего она рождена. Только ради этого стоит жить. В войне весь смысл ее земного бытия. Все, что ей нужно — это добрый конь, острый меч и хорошая сеча! Улыбка девушки стала просто лучезарной, когда она ступила на ристалище под восторженные возгласы викингов.

Дэвид Винс чувствовал себя совершенно опустошенным после визита датчанки, расставившим все на свои места. Его участь была предрешена. Последняя слабая искорка надежды угасла в душе пленника, дальнейшее существование виделось ему в самых мрачных тонах. У Фриды оказалось ледяное сердце, не способное к состраданию и нежности. Эти чувства были ей попусту не знакомы. Дэвид не хотел больше терпеть унижения, жизнь потеряла смысл. Зачем жить, если он никогда не обретет свободы и не увидит родной Уэльс. Рожденный среди вольнолюбивых кимров¹⁶ в Кембрийских горах, где утреннее солнце окрашивало в нежно-розовые

¹⁶ Кимры - одно из кельтских племен.

тона снежные вершины каменных хребтов с тем, чтобы вечером величественно погрузиться в сине-зеленые волны Ирландского моря, Дэвид не мог примириться с уготованным ему безрадостным существованием на цепи во мраке подземелья. Что-то надломилось в нем, жизнь утратила свою ценность его глаз, и он принял решение умереть. Первые три дня Фрида не слишком беспокоилась по поводу отказа пленника от пищи, считая это временным явлением, но вскоре заметила, что к воде он также не притрагивается, а это было уже серьезно. Девушка знала, что без еды человек может продержаться долго, но без воды он быстро погибает. Датчанка еще несколько дней выдерживала характер, не желая показывать англичанину своего беспокойства. Однажды, войдя к узнику, Фрида обнаружила его лежащим на соломе без признаков жизни. Дрогнувшей рукой девушка вставила ключ в замочную скважину и торопливо отперла дверь, отделявшую ее от пленника, лежащего вниз лицом. Внимательно приглядевшись, Фрида заметила, что кельт дышит, хотя и слабо, но ровно. Ее рука инстинктивно потянулась к черным волосам узника, но остановился на полпути, так и не коснувшись их. Вместо этого датчанка дернула цепь, побуждая англичанина поднять голову.

— Ну же, кельт, вставай! — нарочито резко воскликнула она, но ее голос предательски задрожал. — Что это ты развалился? Сейчас же поднимайся!

Ее грубый окрик не возымел никакого эффекта. Едва Фрида отпустила цепь, голова пленника снова безвольно упала на солому.

— Локи тебя заберет, кельт! Что ты задумал? — гневно закричала девушка. — Я заставлю тебя встать!

Она опустила на колени и, взявшись одной рукой за плечо мужчины, а другой за его широкий пояс, без особого труда перевернула кельта на спину. Красивое лицо англичанина хранило выражение какой-то неземной отрешенности, заставившее сердце Фриды сжаться от внезапного страха. Стараясь не поддаваться панике, девушка крепко ухватила пленника за плечи и с силой встряхнула. Черные ресницы мужчины дрогнули, и он медленно открыл глаза. Его взгляд равнодушно скользнул по озабоченному лицу датчанки и остановился на пламени одинокого факела, мирно потрескивающего на стене за ее спиной. Несколько мгновений узник созерцал этот, казавшийся ему таким далеким огонь, а затем его веки устало сомкнулись. Дэвиду ни до чего не было дела, ему хотелось только спать. Фрида приподняла голову пленника и поднесла к его запекшимся губам кувшин с холодной колодезной водой, но мужчина крепко стиснул рот.

— Ну давай, кельт, пей, не упрямься, — уговаривала его девушка. — Клянусь Бором¹⁷, я заставлю тебя напиться!

Английский тэн продолжал упорствовать, и датчанке пришлось отставить кувшин с водой в сторону.

— Ты упрям, как осел, кельт! Но ты плохо знаешь меня. Я добьюсь своего!

Фрида поднялась с пола и решительно направилась к выходу. Вскоре она вернулась, держа в руках другой сосуд с высоким узким горлышком. Девушка опустила на пол около пленника и положила его голову себе на колени.

— Посмотрим, как тебе понравится вот это, тэн, — проговорила Фрида.

Пряный аромат густого медового напитка коснулся ноздрей узника, и даже не пригубив этого чудесного нектара, Дэвид ощутил сильное головокружение. Он изо всех сил сжал губы и попытался выбить из рук назойливой датчанки кувшин, но та оказалась проворнее, и удар не достиг цели. Дэвид чувствовал, что решимость покидает его, однако упорно продолжал отказываться от меда. С какой радостью пленник подался бы на уговоры, если бы это хоть что-то могло изменить в его судьбе, но он понимал, как глупо надеяться на перемены.

¹⁷ Бор - отец Одина.

Фрида никогда не могла спокойно относиться к собственным поражениям. Привыкшая любым способом добиваться желаемого, она, хотя и чувствовала себя уязвленной, видя тщетность своих попыток, вовсе не собиралась бездейственно дожидаться смерти пленника, сознавая, кто никогда не простит себе, если англичанин умрет. Фрида снова поднесла к губам мужчины кувшин и не колеблясь сказала:

— Пей, кельт, иначе у тебя не хватит сил выйти из подвала.

Дэвид не поверил собственным ушам, пораженный словами датчанки, не ожидая от нее такого великодушия. Обладая несгибаемым упрямым характером, девушка производила впечатление человека, не способного изменить своему слову, и все же она была готова нарушить обещание заживо сгноить его в подземелье. Дэвиду приходилось лишь гадать о подвижных Фридой чувствах. После жестоких слов, сказанных ею, он не мог понять внезапной перемены в ее отношении к нему, но, несомненно, датчанке нелегко далось решение выпустить его из подвала. Узник не надеялся на освобождение, считая это невозможным, однако его не могло оставить равнодушным беспокойство, испытываемое бессердечной, как он считал, скандинавкой. Дэвид вдруг понял, что невольно попал в сети странного очарования прекрасной валькирии. Он никогда бы не простил ни одну женщину, возненавидев ее всей душой за испытанные им унижения, но только не Фриду, оправдывая дикое поведение девушки варварским происхождением. Больше не в силах противиться ей, Дэвид сделал первый глоток. Медовый напиток оказался отменным. Осушив сосуд, пленник ощутил, как хмель ударил ему в голову. Блаженная истома охватила все его тело, и мысли о смерти покинули узника.

С легкой улыбкой Фрида смотрела на захмелевшего мужчину, довольная его покладистостью. Она убрала с колен голову кельта и отправилась седлать коня, собираясь самолично навещать Вустера. Нужно было отдать кузнецу указания насчет нового помещения для пленника.

Саксонец дружелюбно встретил датчанку и с ухмылкой выслушал ее приказание.

— У меня есть, что нужно госпоже. Такие брусья не под силу сломать целой дюжине медведей. Только вот незадача, у меня нет лошади, чтобы доставить клетку в Дэннер.

И кузнец с хитрым блеском в глазах озабоченно запустил огромную пятерню в свою нечесаную буйную шевелюру.

— У тебя всегда найдутся какие-нибудь отговорки, керл, — нахмурилась Фрида.

— Моя старушка наработалась за день, да к тому же у нее и сил не хватит сдвинуть такой груз.

— Но хотя бы повозка, чтобы довезти клетку до аббатства, у тебя есть?

— Конечно, госпожа, — невозмутимом отозвался Вустер.

— Что ж, показывай, где она, — вздохнула датчанка, с сожалением взглянув на Омфала.

Под ветхим навесом позади небогатой хижины кузнеца взгляду Фриды предстала просторная клетка, водруженная на повозку с лежащими на земле оглоблями. Девушка с неохотой расседлала Омфала и, закинув седло в колымагу, обратилась к недоумевающему коню:

— Я знаю, какой это позор для тебя, дружок, но делать нечего, придется тебе пройти в оглоблях.

И она принялась запрягать жеребца в повозку. Омфал покорно снес неприятную процедуру, с недоверием косясь на неуклюжую колымагу с возвышающейся на ней огромной клеткой из брусьев толщиной в руку, укрепленную металлическими скобами.

— Ты тоже пойдешь со мной, сакс, — обернулась Фрида к Вустеру. — Мне понадобится твоя помощь.

Не обращая больше на кузнеца внимания, она взяла своего рыжего жеребца под уздцы. С пронзительным скрипом повозка сдвинулась с места и покатила к монастырю. Саксонец, прихватив мешок с инструментами, отправился следом за девушкой, ворча всю дорогу до Дэннера.

Въехавшая во двор повозка с клеткой, влекомая Омфалом, рядом с которым величественно выступала дочь конунга, не осталась незамеченной. Викинги удивленно переглядывались, не решаясь задать девушке вопрос, вертевшийся у всех на языке. В начале лета еще было не время охотиться на медведей, но никто не отваживался спросить у Фриды, зачем ей понадобилась клетка. Выражение ее лица не располагало к разговорам. Отчаянно скрипящая колымага продолжала свой путь по огромному двору к цели, известной только одной датчанке. Всеобщее молчание нарушил Свег Берхард. Всего несколько мгновений назад с азартом предававшийся игре в кости, он отшвырнул их и поднялся навстречу довольно необычной процессии. Окинув быстрым взглядом запряженного в повозку Омфала, норвежец развязано спросил:

— Уж не собираешься ли ты, Диса, сменить свой меч на кнут погонщика? На мой взгляд, это очень умное решение, хотя женщинам нельзя доверять ничего серьезнее прятки.

— На твоем месте, ярл, я уже давно оставила бы ремесло воина и занялась ткачеством, — невозмутимо отозвалась Фрида. — Ты любопытен и сварлив, как деревенская баба, и недостойн носить имя властителя стали.

Глаза норвежца полыхнули яростью.

— Твой язык быстрее твоего разума, девчонка! Я советую тебе быть поосторожнее. Жизнь полна неожиданностей.

— Ты угрожаешь мне? — спокойно осведомилась девушка. — Уж не думаешь ли ты, будто я боюсь тебя?

— Самонадеянная маленькая дрянь! — с ненавистью процедил Свег. — Смотри, как бы тебе не пришлось пожалеть о своей дерзости!

— Убирайся прочь, ярл, — гневно топнула ногой датчанка, — или я не отвечаю за последствия!

Ворча, словно пес, норвежец отступил.

— Волчья наездница¹⁸! — скривившись, бросил он.

— Порождение Локи! Чтобы ты вечно гнил в царстве Хель¹⁹!

Фрида едва сдерживалась, чтобы не кинуться на зарвавшегося норманна, но вспомнив об ожидающем ее пленнике, совлала со своей злостью.

— Когда-нибудь я обязательно сведу с тобой счеты, ярл, — остывая, проговорила она. — Сегодня мне не до тебя, у меня есть дела поважнее.

И девушка продолжила свой путь. Она намеревалась установить клетку недалеко от часовни, там, где некогда находился прекрасный цветник, разбитый монахами, а теперь все заросло высокой травой. Цветочные клумбы располагались в форме круга, поделенного двумя перекрещивающимися дорожками, вымощенными красными гранитными плитами. Густой кустарник, словно бордюром, опоясывал цветник, в центре которого находился мраморный фонтан, бездействующий с тех самых пор, как датчане захватили Дэннер. Пока Фрида решала, в каком месте поставить клетку, возле нее собралась небольшая группа любопытных, желающих предложить ей свои услуги, и она не преминула воспользоваться рвением добровольных помощников.

— Ну-ка, даны, — приказным тоном сказала Фрида, — берите клетку и несите ее вон к тем симпатичным кустикам с белыми цветочками.

Молодые мужчины, поплевав на ладони, взялись за днище громоздкого сооружения и вскоре клетка стоял именно там, где хотела датчанка. Фрида намеренно установила клетку так, чтобы из окон собственной опочивальни она могла в любое время дня и ночи видеть, чем занят пленник. Коротким кивком выразив викингам свою признательность за помощь, девушка отвела Омфала на конюшню и отправилась к главному зданию аббатства, обращен-

¹⁸ Волчья наездница - ведьма.

¹⁹ Хель - царство мертвых в скандинавской мифологии.

ного великолепно украшенным каменными скульптурами фасадом в сторону монастырских ворот. Сделав знак терпеливо ожидавшему ее кузнецу, Фрида поднялась по широким ступеням на высокое крыльцо, отворила тяжелые дубовые двери и, пройдя несколько шагов по просторному коридору, начала спускаться в подвал. Вустер молча шел за ней.

После ухода датчанки пленник задремал. Хмель сделал его сон спокойным и приятным, избавив от причудливых тяжелых сновидений, преследующих мужчину последнее время. Медовый напиток Фриды оказался чудодейственным. Дэвид спал совсем недолго, и, хотя, проснувшись, ощутил себя довольно пьяным, он чувствовал прилив сил. Узника совершенно не беспокоило, какую новую тюрьму выберет для него датчанка; хуже крошечной темноты подвала ничего уже не могло быть. Фрида не хотела его смерти и заставила отказаться от затеи уморить себя голодом. Упрямая девчонка привыкла всегда добиваться желаемой цели, и едва ли ему стоило пытаться изменить свою судьбу, отныне полностью зависящую от воли скандинавки.

Отношение пленника к датчанке поражало его самого. В мыслях и чувствах мужчины не было единства. Дэвида, не привыкшего менять свои суждения и никогда не сворачивающего с намеченного пути, такая неоднозначность сбивала с толку. Отличавшийся постоянством в решениях, английский тэн пребывал в растерянности. Оказавшись в плену, мужчина хотел только одного — свободы! Он заплатил бы за свое освобождение огромный выкуп, но его тюремщица не нуждалась в этом, и Дэвид выбрал голодную смерть, не желая мириться с неволей, грозившей стать его вечной подругой. А теперь, едва Фрида, стремясь достигнуть непонятной ему цели, чуть уступила, Дэвид вновь захотел жить и был готов терпеть новые причуды рыжей девчонки, не в силах противиться ей. Он так и не смог возненавидеть датчанку. Жестокость ее поступков вызывала в нем ярость, и в этот момент пленник готов был убить девушку, однако его злость быстро улетучивалась, и Дэвид находил Фриде множество оправданий. Более того, он испытывал странную потребность выполнять все ее прихоти подобное тем викингам, которых прежде осуждал за раболепие перед юной воительницей, а сам точно также угодил в сети удивительного очарования чужеземной красавицы. Не последнюю роль в этом сыграл сильный характер Фриды. Если прежде кельта забавляло умение датчанки вертеть окружающими мужчинами, как ей заблагорассудится, то теперь это вызывало у него серьезные опасения. Нет, он должен бороться с этим колдовским наваждением.

— К сожалению, у меня уже не осталось ни сил, ни желания сопротивляться этой рыжеволосой чертовке, — со вздохом проговорил Дэвид и засмеялся, поняв, что разговаривает сам с собой.

Улегшись поудобнее на соломенном ложе, мужчина продолжал предаваться размышлениям, до чего может довести его потребность служить своей мучительнице.

— Я хочу, чтобы ты отсоединил цепь от ошейника, — проговорила Фрида, обращаясь к кузнецу, переступившему порог темницы вслед за ней.

— Только отсоединить цепь? — удивился Вустер. — Я думал, нужно снять ошейник.

— Нет! Только цепь! — резко ответила датчанка. — Раб должен носить ошейник. Делай, что я приказываю, а потом можешь отправляться домой.

— И из-за такой ерунды ты велела мне тащиться в Дэннер, госпожа? — возмутился керл. — Неужели среди датчан нет кузнеца? Да ты и сама, огненновласая, сумела бы отсоединить цепь.

— Замолчи, сакс! — сердито вскричала Фрида. — Иначе я прикажу как следует выдрать тебя! Верно ты. не в своем уме, если предлагаешь мне заняться кузнечным делом! Или ты забыл, кто я? Тебе все ясно, керл? Или мне нужно привести более веские доказательства?

В голосе девушки звучала нешуточная угроза, и Вустер больше не решился перечить Фриде, сочтя самым разумным незамедлительно выполнить ее приказание. Мед, выпитый Дэвидом, вернул ему прежнее чувство юмора, и он негромко рассмеялся, услышав слова Фриды о веских доказательствах.

— Ты уже пришел в себя, кельт? — обратилась девушка к пленнику, от внимательного взгляда которого не укрылся радостный блеск в ее зеленых глазах.

— Только благодаря тебе, моя красавица, — нежно улыбнулся датчанке Дэвид.

— Побереги свои благодарности для другого случая, — отрезала Фрида, стараясь скрыть легкое замешательство от его слов, и обратилась к кузнецу:

— А ты чего ждешь, сакс? Отсоединяй цепь!

Дэвид приподнялся и сел, чтобы облегчить керлу его задачу. Вустер, достав долото и молоток, быстро справился со своей работой. Цепь со звоном упала на пол. Убрав инструменты, кузнец вскинул на плечо кожаный мешок и, потоптавшись на месте, молча направился к выходу. Керл казался обиженным, но Фрида не обратила на это внимания, зная, что Вустер не способен долго держать на нее зло, и явится по первому же слову.

— Пойдем, кельт, я покажу твое новое жилище, — проговорила девушка, когда они остались с пленником одни. — Ты можешь встать?

— Думаю, смогу, — кивнул Дэвид, поднимаясь на ноги.

Однако сказались последствия голодания и выпитого хмельного медового напитка: у мужчины закружилась голова, и он, покачнувшись, невольно облокотился на сильное плечо стоящей рядом датчанки. Фрида ничего не имела против, хотя окажись на месте английского тэна кто-либо другой, она вряд ли стерпела бы такую вольность. Но с кельтом все обстояло иначе. В том, что пленника плохо слушались ноги, было больше ее вины. Фрида, будучи по своей природе справедливой и честной, не могла не признать, что оказалась в долгу перед Дэвидом, а она не любила быть обязанной кому-либо, поэтому девушка не только позволила пленнику опереться на свое плечо, но даже поддержала его во время подъема из подвала по лестнице.

Очутившись на крыльце, мужчина убрал руку с плеча датчанки, не желая заставлять ее испытывать неловкость за помощь спотыкающемуся пленнику. Дэвид полной грудью вдохнул свежий, чистый воздух, уловив уже забытый им тонкий запах травы. Ноздрей узника коснулся легкий аромат дыма и жареного мяса, доносящийся от разоженных во дворе очагов, вокруг которых хлопотали женщины, готовя ужин для датских воинов. На тэна нахлынул гул самых различных звуков, так давно не слышимых им в мрачной одиночной камере. Разговоры женщин, бряцание оружия, щебет птиц, отдаленное ржание лошадей оглушили его. Приближался вечер; наступало так любимое Дэвидом полное очарования время “между волком и собакой”, но даже этот мягкий, приглушенный свет заставлял мужчину щурить глаза, настолько ярким он ему казался после гнетущего мрака подземелья, где узник провел больше месяца.

Спустившись с крыльца, Фрида спокойно стояла внизу, ожидая, когда тэн немного придет в себя, прежде чем двинуться к новому месту заключения. Дэвид был благодарен датчанке за терпение. Он шагнул вперед, преодолевая первую ступень. Его голова несколько прояснилась на свежем воздухе, и Дэвид без особых затруднений спустился по лестнице во двор.

Не спеша Фрида шла впереди пленника, отмечая брошенные на него взгляды: не слишком доброжелательные — датчан и жалостливые — женские. Она увидела и Эрвина, и стоявшего неподалеку от него Свега. Несмотря на то, что один из викингов был ее другом, а другой заклятым врагом, выражение лиц мужчин поражало сходством. В медово-карих глазах датчанина и в ярко-синих норвежца отражалось одно и то же чувство — жгучая ненависть. Эрвин и Свег всей душой ненавидели англичанина, сумевшего всецело завладеть вниманием красавицы-Фриды. Если бы Диса выбрала кого-то из своего окружения, викинги смирились бы с ее решением, но предпочесть им чужака, врага-англичанина, этого влюбленные мужчины не

могли принять. Фрида с удовлетворением подумала об удачно выбранном месте для клетки. Уверенная в безопасности своего пленника, пока тот находится под ее покровительством, датчанка все же посчитала нелишним более внимательно приглядывать за ним. Молодой датчанин не отличался кровожадностью, но со Свегом нужно держать ухо востро. Если бы кельт находился в хорошей форме, Фрида не могла бы с полной уверенностью утверждать, что Свег Берхард сумеет одолеть его в честном поединке. Хотя ей и хотелось бы увидеть результат такой схватки, она не горела желанием использовать своего пленника в качестве мишени для норвежца.

Дэвид с невозмутимым выражением на заросшем густой растительностью лице следовал за горделиво вышагивающей девушкой, любясь ею, испытывая желание обнять Фриду, зарыться лицом в шелковистые пряди ее огненных волос и забыть обо всем. Представив, как отреагировала бы на такой поступок вспыхивающая валькирия, он с усмешкой покачал головой. Его мечты прервал торжествующий голос Фриды:

— Вот мы пришли, кельт! Как тебе нравится твое новое жилище?

При виде огромной клетки, предназначенной явно для медведя или другого дикого зверя, Дэвид не смог сдержать возглас удивления, невольно восхищаясь умением датчанки изобретать все новые и новые издевательства. Скрывающийся в хорошенькой женской головке ум больше подошел бы палачу, правда, все придуманное Фридой предусматривало подавление воли узника, а не физические страдания.

— Какого ты мнения об этом? — продолжала допрашивать девушка своего пленника. — Быть может, тебе больше нравится подвал? Не желаешь ли в него вернуться?

— О, нет, — поторопился ответить Дэвид, с трудом отводя взгляд от громоздкого сооружения из брусьев, не зная, злиться ему или смеяться. — По крайней мере, теперь у меня будет вдоволь свежего воздуха и света. К тому же мне льстит такое внимание к моей персоне. Под твоими окнами, моя красавица, я готов провести всю мою жизнь.

— Ты очень наблюдателен, тэн, — заметила Фрида, — наверняка ты был при дворе Альфреда шпионом. Теперь полезай в клетку, думаю, стоит принести тебе ужин.

Пленник беспрекословно подчинился приказу датчанки, адресовав ей в ответ обворожительную улыбку, заставившую сладко сжаться ее неприступное сердце. Фрида быстро отвела взгляд, стараясь придать лицу утраченное на миг выражение бесстрастности, но это не помогло ей вернуть былой безмятежности. Улыбка мужчины поразила девушку в самое сердце, подобно угодившей в яблочко беспощадной стреле. В растерянности громко хлопнув дверцей клетки, Фрида заперла ее на крепкий замок и отправилась на кухню за едой для пленника.

Глава 5

Утром, едва забрезжил рассвет, датчанка, поднявшись с постели, остановилась у окна, с наслаждением вдыхая свежий утренний воздух. Пленник спал, лежа на боку, положив под голову руку и поджав ноги, стараясь сохранить остатки тепла. Несколько мгновений понаблюдав за спящим мужчиной, Фрида подумала, что ей еще вчера следовало распорядиться бросить в клетку какую-нибудь звериную шкуру. После утренней скачки она решила заняться обустройством нового жилища пленника. Стоило отдать указание плотнику сколотить легкий деревянный навес над клеткой на случай непогоды. Спустившись во двор, девушка направилась к конюшням. Сегодня Фрида чувствовала себя несколько утомленной и собиралась совершить прогулку только на Омфале, а вороного выпустить размяться в предназначенный для этой цели загон позади конюшен.

Заслышав задорный перестук копыт, пленник открыл глаза. Незнакомый с распорядком дня датчанки, он удивился такому раннему подъему девушки, гадая, куда она могла отправиться чуть свет. Приподняв голову, Дэвид, не отводя глаз, следил за прекрасной всадницей на горячем рыжем коне. Через мгновение сказочное видение исчезло из поля зрения мужчины. Вздохнув, он вновь закрыл глаза.

Дэннер постепенно пробуждался ото сна. Со стороны птичника зазвучал многоголосый хор куриного племени, ожидающего своей утренней горсти зерна; послышался хриплый спросонья собачий лай; замычали коровы, напоминая хозяйкам о приближающейся утренней дойке; заблеяли овцы, призывая пастухов выпустить их из тесной овчарни на простор весело зеленеющих лугов; донесся пронзительный скрип тяжелого колодезного ворота; несмолкаемой стук отворяемых дверей; датская речь перемежалась с говором саксонского населения. Новый день властно вступал в свои права.

Дэвид поднялся, только когда услышал приближающийся топот огненного коня датчанки. Тэн собирался попросить девушку выполнить его просьбу относительно Клиффа, заставшегося в конюшне. Хотя самому мужчине едва ли было суждено когда-нибудь вновь сесть на вороного, ему не хотелось, чтобы его жеребец пропадал в бездействии. Раскормленная, потерявшая форму лошадь — плохой помощник воину в битве. Благородному животному не пристало жиреть и валяться по уши в грязи, его конь не заслуживал такой участи. Клиффу нужен новый хозяин. Жаль, что жеребец совершенно не выносит присутствия женщин, и Фрида не сможет стать его новой владелицей, а Дэвиду хотелось бы видеть именно ее хозяйкой своего скакуна. Когда датчанка проезжала мимо клетки, пленник обратился к ней:

— Постой, красавица, у меня к тебе просьба.

— И чего ты хочешь? — осведомилась Фрида, останавливая Омфала.

— Будь добра, найди моему коню нового хозяина. Клифф слишком хорош, чтобы провести всю жизнь в тесном стойле.

— Так, значит, этого жеребенка зовут Клифф? Подходящее имя, — одобительно кивнула девушка. — В самом деле, было бы преступлением запереть такого коня в конюшне. Думаю, он не будет против, если я оседлаю его.

— Нет! — поспешно воскликнул Дэвид. — Не вздумай этого делать. Клифф терпеть не может женщин! Он не подпустит тебя. Ты даже не представляешь, каким он может быть коварным.

— Ну, это мы еще посмотрим, — беспечно отозвалась Фрида. — Уверена, мне он ничего не сделает...

— Я передумал, — перебил ее пленник, — пусть он лучше остается в стойле.

— Отчего же? — вопросительно подняла темную бровь девушка. — Я хорошая наездница, и еще ни один конь не сумел сбросить меня!

И датчанка тронула повод, отъезжая. Дэвид ударил кулаком по брусу, не имея возможности остановить девушку.

Фрида, поставив Омфала в денник, пошла в загон, где на просторе носился вороной, и, подозвав жеребца, отвела его обратно в конюшню. Клифф уже совсем освоился на новом месте, и с недавнего времени позволял чистить себя Тэду, к чему тот и приступил с рвением. Добросовестное отношение этого мальчика к возложенным на него обязанностям нравилось девушке, и она решила на следующий день посадить его на Омфала, а самой взять вороного. Фриде хотелось в очередной раз показать кельту, что для нее нет ничего невозможного. Когда девушка принесла пленнику завтрак, мужчина постарался убедить ее отказаться от безумной попытки оседлать Клиффа, но Фрида только рассмеялась над его опасениями.

— Если я что-то решила, то не отступлюсь от задуманного, — заявила она.

После полудня пришли плотник с помощником и принялись сколачивать навес над клеткой, а вечером, прежде чем Дэвид лег спать, явилась датчанка в сопровождении Тьерри с тяжелой медвежьей шкурой. Не говоря ни слова, Фрида открыла клетку, и норвежец передал узнику меховую полость. Такая забота со стороны датчанки приятно удивила и растрогала Дэвида. С комфортом расположившись на мягкой теплой шкуре, английский тэн провел ночь с удобствами, о которых и не мечтал.

На следующее утро пленник стал свидетелем удивительной картины, больше похожей на сон, чем на явь. Дэвид мог ожидать от Фриды чего угодно, но увиденное им сегодня вызвало у него чуть ли не шок. Бок обок мимо него проехали два всадника, и в этом не было бы ничего необычного, если бы ими не оказались Фрида на КлиFFE и мальчишка-конюх на ее рыжем жеребце. Кони двигались спокойным, размеренным шагом и ни один из них не выказывал ни малейшего неповиновения. Зная норы своего вороного жеребца, Дэвид понял, что укрощение произошло не за один день, наверняка на это потребовалось немало времени. Оказывается, в случае необходимости датчанка умела быть терпеливой, иначе ей никогда не удалось бы подчинить себе Клиффа. Поймав восхищенный взгляд англичанина, девушка усмехнулась, и дав вороному жеребцу резкий посыл, понеслась к воротам, успев отметить, что Тэд совсем неплохо справляется с Омфалом. Ни конь, ни юноша не разочаровали Фриду. Омфал, несмотря на свой горячий темперамент, отличался покладистостью, а Тэд оказался прирожденным всадником.

В душе Дэвида шевельнулась невольная зависть к девушке и мальчишке, когда он представил их скачущими во весь опор по холмистым равнинам, со всех сторон окружающим аббатство. Пленник постарался не давать воли столь пагубному чувству, как зависть, однако его настроение настолько испортилось, что, когда Фрида принесла ему завтрак, он не притронулся к еде. Датчанка, возмущенная неблагодарностью кельта и его привередливостью, оставила пленника без ужина. Дэвид, напрасно прождавший девушку, улегся спать в еще более отвратительном расположении духа, чем утром, и долго лежал без сна, бездумно уставясь в ночное небо. Когда же долгожданный Морфей наконец смежил ему веки, странные сновидения не давали пленнику покоя до самого рассвета.

Разбудил Дэвида вновь конский топот, чему он был рад, хотя и чувствовал себя не слишком хорошо выпавшимся. Усевшись на медвежьей шкуре, тэн мрачно смотрел вслед удаляющимся всадникам. Фрида, обернувшись к следующему за ней на Омфале Тэду, перехватила страдающий взгляд узника и почувствовала настоятельную потребность ободрить Дэвида. Она послала ему улыбку, не имеющую ничего общего с предназначавшимися мужчинам ранее. Увидев, как обрадованно блеснули в ответ красивые глаза кельта, девушка звонко рассмеялась, но ее смех резко оборвался, едва Фрида подумала, как глупо она выглядит, хохоча во все горло и радуясь неизвестно чему. Она слишком увлеклась своим пленником, и это был серьезный повод для беспокойства, однако девушка уверяла себя, что никогда не позволит чувствам взять верх над рассудком.

Тэд оказался не только хорошим наездником, но и отличным спутником. Он не докучал девушке разговорами, находясь на седьмом небе от счастья просто быть рядом со своей госпожой и иметь возможность любоваться ее неповторимой красотой. Фрида предпочитала совершать утреннюю разминку в молчании, всю себя отдавая неистовой скачке, ощущая в эти моменты удивительное единение с природой.

После прогулки, по дороге в конюшню, прямо перед клеткой с пленником, наперерез коням метнулась зазевавшаяся курица, невесть как очутившаяся так далеко от птичника, и Клифф испуганно шарахнулся в сторону Омфала. Несмотря на неожиданный резкий скачок вороного коня, Фрида удержалась в седле, но Тэду не повезло. Рыжий жеребец, желая избежать нападения, как он расценил поведение Клиффа, отпрянул, и его всадник вылетел из седла, сильно ударившись о каменные плиты. Отбежав на некоторые расстояния от упавшего наездника, Омфал остановился, насторожив уши. Во время непредвиденного скачка Клиффа, стараясь сохранить равновесие, датчанка излишне затянула повод и вороной, завертевшись волчком от боли, причиняемой ему удилами, с оглушительным ржанием взвился на дыбы и понесся, не разбирая дороги. Фрида тщетно пыталась остановить обезумевшего коня. Дэвид, вцепившись в брусья клетки, с ужасом наблюдал, как конь мчится, не сворачивая, прямо на стену главного здания аббатства. Миг, и он со всего маха врежется в каменную кладку! Девушке угрожала смертельно опасность. Пленник, не в силах смотреть на гибель отважной наездницы, закрыл глаза, умоляя всех известных ему богов спасти прекрасную скандинавку. Но Фрида не зря снискала себе славу лучшей наездницы; в самое последнее мгновение она заставила скакуна становиться. Дэвид с облегчением вздохнул, увидев датчанку живой и невредимой. Соскочив с коня, она побежала к неподвижной лежащему Тэду. Склонившись над ним, Фрида принялась тормозить его, стараясь привести в чувства. Юноша зашевелился и, открыв глаза, с удивлением смотрел на обеспокоенную девушку.

— Ты в порядке, Тэд? — спросила она. — Ты слышишь меня?

Тот кивнул в ответ, расплываясь в довольной улыбке.

— Подходящее время для веселья, нечего сказать, — проворчала девушка. — Лучше попробуй встать.

Юноша попытался выполнить указание своей госпожи, но со стоном повалился на землю. У него оказалась сломана нога.

— Ты еще легко отделался, — заметила Фрида.

Она хотела еще что-то добавить, но ее слова потонули в шуме, поднятом спешившимися жеребцами. Спровоцировал драку Омфал, желая, по-видимому, отомстить Клиффу. Прижав уши и жутко оскалив зубы, рыжий конь начал теснить еще не оправившегося от испуга, а потому довольно вяло отражающего его атаки Клиффа. Когда же Омфал несколько раз укусил вороного за холку, выдрав целый клочок черной шерсти, Клифф тоже пошел в наступление. Фрида, не собираясь дожидаться, пока жеребцы серьезно покалечат друг друга, бросилась к ним, выхватывая из-за пояса ременную плетть.

— Фрида, стой!

— Нет, госпожа!

Два этих возгласа, принадлежащих один Дэвиду, а другой Тэду, прозвучали почти одновременно, но девушку ничто не могло удержать на месте.

— Омфал, а ну пошел прочь! Прочь! — закричала она, замахиваясь на грызущихся подобно огромным бешеным псам жеребцов.

Рыжий конь, услышав гневный окрик хозяйки, на мгновение приостановился, а потом снова ринулся в бой.

— Ты сошла с ума! Безмозглая девчонка! — вне себя заорала Дэвид, пораженный отвагой неистовой скандинавки.

Фрида принялась наотмашь хлестать Омфала, заставляя его отступить. Вздрыбленный конь неохотно попятился. Со стороны датчанки было настоящим безумием пытаться разнять дерущихся жеребцов. В любой момент Клифф мог напасть на девушку и убить ее. Увидев, что Омфал отступил, Фрида крепко ухватила вороного за свисающий повод, заставляя Клиффа опуститься на все четыре копыта, в то же время стараясь не упустить из виду своего рыжего, держа наготове плетъ. Пасуя перед бесстрашной девушкой, вороной повиновался. Омфал, замерев на месте все еще с прижатыми от злости ушами, казалось, выжидал подходящий момент, чтобы возобновить драку. Внезапно появившийся во дворе отец Фриды схватил рыжего жеребца под уздцы, отводя его подальше от Клиффа. Передав повод подбежавшему Эрвину, конунг велел отвести Омфала на конюшню, а сам, убедившись в невредимости дочери, отправился за Раганом, слывшим хорошим костоправом. Фрида осмотрела раны, полученные Клиффом в драке, и повела вороного в конюшню, торопясь наложить на места укусов заживляющую мазь.

Оставшись одни, Дэвид и Тэд лишь молча переглянулись, без слов понимая друг друга. Да и что здесь можно было сказать? О том, что Фрида — самая удивительнейшая из женщин, они и так знали.

Дэвид, давно мечтавший побриться, наконец решился попросить у Фриды нож. Узник сильно оброс, пока сидел в подземелье, и зная, как неопрятно выглядит отрастающая борода, которая к тому же, по его мнению, ему не шла, собирался избавиться от своей густой щетины. Однако, выслушав кельта, девушка отказала ему. На следующий день пленник повторил свою просьбу.

— Хорошо, будь по-твоему, — согласилась датчанка. — Если уж тебе так не терпится сбрить щетину, мне ничего не остается, как выполнить твою настойчивую просьбу. Но ты должен дать слово, что после бритья вернешь оружие.

— Я готов обещать тебе все, что пожелаешь, моя красавица! — воскликнул Дэвид.

— Ты ошибаешься, кельт, — высокомерно ответила девушка. — Я не твоя красавица и никогда твоей не буду!

— Как скажешь, — охотно согласился мужчина. — Клянусь, я отдам нож.

И он с удивлением увидел, как Фрида, вынув из украшенных самоцветами ножен свой драгоценный кинжал, подала ему оружие через прутья клетки.

— Ты доверяешь мне свой кинжал? Но почему?

— Этот самый острый из всех, имеющихся в Дэннере, — пояснила девушка.

— Верно, не хочешь, чтобы я поцарапался тупым лезвием? — с усмешкой осведомился пленник.

— Я просто надеюсь, что у тебя дрогнет рука, и ты перережешь себе глотку, — с милой улыбкой отозвалась датчанка.

— Очень любезно с вашей стороны, миледи, — со смехом отвесил ей низкий поклон Дэвид.

Усевшись неподалеку на широкую каменную скамью, Фрида лениво наблюдала за действиями мужчины, в который раз отмечая, как великолепно сложен английский тэн. День выдался жаркий, и мужчина сбросил свою тунику. Тяготы плена почти не отразились на его изумительной рельефной мускулатуре. Те несколько дней полного отказа от пищи сделали фигуру узника более поджарой, но это совершенно не портило Дэвида, а напротив придавало его облику почти юношескую стройность, хотя мужчина давно переступил за двадцатилетний рубеж и приближался к самому пику своих физических возможностей. Мысли девушки незаметно для нее самой потекли по другому руслу. Внезапно она подумала об интимной стороне жизни английского тэна, много ли у него было женщин. Об одной из его пассий Фрида знала понаслышке от викингов, пленивших Дэвида Винса. Тьерри не раз со смехом рассказывал, как

убивалась девка кельта, когда увозили ее возлюбленного. Но Фриду мало волновали чувства женщин к красавцу-англичанину, ее больше интересовало другое — испытывал ли он сам к какой-нибудь из них любовь. Почему-то ей хотелось, чтобы сердце кельта было свободным.

Из задумчивости Фриду вывел оклик Дэвида, закончившего бритье. Приблизившись к клетке, девушка изумленно уставилась на совершенно преображенного мужчину. С чисто выбритым, без единой царапины лицом, кельт выглядел необычайно привлекательным. У него были мужественные, однако не грубые черты: хорошей формы нос, ярко выраженные скулы, четко очерченные губы, упрямой, но не тяжелый подбородок — все поражало гармонией и законченностью. Но больше всего Фриде нравились выразительные глаза пленника глубокого темно-карего, почти черного оттенка, — зеркальное отражение его благородной души.

Заметив во взоре датчанки откровенное любование, Дэвид ощутил сильное волнение и поразился впечатлению, которое он произвел на девушку, отличавшуюся расчетливо-трезвым восприятием мира. Фрида машинально приняла из рук кельта кинжал и убрала его в ножны, все еще не в силах отвести глаз от лица мужчины. Вдруг она вздрогнула, поняв свою оплошность, и едва не отпрянула от клетки, словно одна из тех стыдливых робких дев, которых она называла не иначе как “безмозглыми курицами”. Датчанка поторопилась отвести глаза; ее лицо приняло жесткое отчужденное выражение, вновь скрываясь под обычной бесстрастно-высокомерной маской. Холодно кивнув пленнику в ответ на слова благодарности, Фрида стремительной походкой ушла прочь.

Резкая перемена настроения девушки огорчила Дэвида, не способного привыкнуть к непредсказуемости ее поступков, ибо больше всего в отношениях с женщинами он ценил возможность отдохнуть около них душой и телом. Нет, несмотря на редкую красоту датчанки, он едва ли смог бы полюбить такую девушку, как она. В свои двадцать семь лет, познав многих женщин, английский тэн не встретил любовь, считая ее вымыслом глеоманов²⁰, пытающихся в своих песнях приукрасить обыденность, привнести в жизнь простых смертных легкий налет тайны и волшебства. И все же этой ночью, глядя на далекие мерцающие звезды, Дэвид долго лежал без сна, думая о Фриде. Откровенный взгляд девушки пробудил в нем вполне естественное для мужчины желание предаться с ней любовным утехам, и он испытывал зависть к тому, кто делил ложе с датчанкой. То, что Фрида может быть девственна, даже не приходило Дэвиду в голову. Деспотичная и неистовая, она вряд ли, по его мнению, могла отказаться от такого верного средства помучить мужчин, как постель. Без сомнения, девушка с ее просто волшебной красотой разбила не одно сердце, доводя своим непостоянством любовников до отчаяния.

Фрида, расположившись на одной из каменных широких скамей в обществе соотечественников, рассеянно слушала цветистое, полное поэтических иносказаний повествование скальда²¹ о похождениях коварного Локи, наблюдая за женщиной, которая остановилась у клетки и кокетничала с пленником, оказывающим ей явные знаки внимания. Присмотревшись, датчанка узнала в развязной темноволосой саксонке танцовщицу Ольду, без чьего выступления не обходился ни один пир. Фрида знала о репутации этой вертлявой красотки, известной своим распутством. Считаясь любовницей Свега Берхарда, она не пренебрегала и другими мужчинами, отличаясь редкой неразборчивостью и сребролюбием. Видя, что танцовщица продолжает флиртовать с Дэвидом, казавшимся очень довольным обществом английской девки, датчанка ощутила чувство, заставившее ее содрогнуться, настолько диким и постыдным оно ей показалось, но Фрида ничего не могла поделать с собой, испытывая острую ревность и негодование — как смеет эта грязная шлюха заигрывать с пленником, которого датчанка считала своей собственностью. Ничего не замечая вокруг, скандинавка поднялась со скамьи, уже не

²⁰ Глеоманы — певцы-музыканты, пользующиеся большим уважением в англосаксонском обществе.

²¹ Скальд — поэт-воин у скандинавов.

слыша голоса рассказчика из-за пульсирующей в висках крови, первого предвестника зарождающейся безумной ярости. Дэвид, заметив интерес, вызванный у Фриды его разговором с Ольдой, не мог сдержать улыбки. Датчанка, положив ладонь на рукоять кинжала, направлялась к ним. Ольга всей душой ненавидела дочь конунга за ее яркую красоту и отвагу, но в намерения молодой женщины вовсе не входило выяснение отношений с высокой и сильной воительницей, которое могло закончиться весьма плачевно для саксонки. Увидев приближающуюся датчанку, в чьих зеленых глазах вспыхивали недобрые огоньки, саксонка поспешила ретироваться. Фрида, не останавливаясь, прошла мимо клетки, окинув пленника полным презрения взглядом. Заворачивая за угол здания, она обернулась, желая удостовериться, что танцовщица ушла. Ольга, зная, как опасно попадаться дочери конунга под горячую руку и не желая испытывать судьбу, больше не рискнула приближаться к пленнику.

Стояли жаркие погожие дни. Солнце, похожее на огромную, начищенную до блеска золотую монету, играло в бездонный синеве неба. Во дворе былолюдно. Викинги скинули верхнюю одежду, с наслаждением подставляя плечи и спины горячим солнечным лучам. Фрида недовольно огляделась, досадуя на невозможность снять свою тунику, подобным мужчинам. Девушка могла бы поехать к реке и там позагорать в свое удовольствие, но ей не хотелось мучить плохо переносящего жару Омфала. Изнывающую от зноя датчанку окликнул пленник.

— Не пора ли искупать гостя, моя красавица? — весело спросил он.

— Если пожелаешь, — криво усмехнулась девушка, — но учти, вода — только холодная.

— В такое пекло сойдет любая, — ответил кельт.

— Ну, что ж, — кивнула Фрида и распорядилась принести большую деревянную лохань, которую слуги-саксы поставили прямо посреди двора.

— Здесь? — удивленно приподнял бровь Дэвид.

— Разве ты стесняешься? — насмешливо поинтересовалась девушка.

— Нет, конечно, мне все равно, где мыться, — тряхнул головой тэн.

Когда лохань была наполнена водой из колодца, Фрида со словами “Ванна готова, сэр!” отперла замок. Пленник вышел из клетки и остановился, ленивым взглядом окидывая двор. В предвкушении представления вокруг датчанки и англичанина собралась толпа зевак: датчане весело смеялись, саксы смотрели заинтересованно. Фрида с улыбкой наблюдала за кельтом. Дэвид, оглядев всех, тоже усмехнулся. Он сдернул с плеч тунику и отшвырнул ее. Сбросив сапоги и штаны, мужчина остался обнаженным и, не торопясь, направился к лохани во всем блеске своей бесстыдной наготы. Фрида старалась найти в англичане хоть какой-нибудь изъян, но ее постигло разочарование: более прекрасного тела ей не доводилось видеть. Смуглая, с золотистым оттенком кожа пленника, так резко отличающаяся от матовой белизны чуть тронутых легким загаром торсов скандинавов, притягивала взгляд девушки. Фриде хотелось прикоснуться к широким плечам кельта и нежно провести ладонью по бугрящимся мышцам на его груди. Еще раз окинув невозмутимым взглядом веселящуюся толпу, Дэвид перевел взгляд на замершую датчанку и чуть улыбнулся, увидев выражение ее лица. Фрида, словно замороженная, смотрела только на него. Ее странное оцепенение продолжалось несколько коротких мгновений, пока кельт с шумным всплеском не погрузился в холодную воду лохани, щедро наполненную до самых краев, но девушке показалось, будто прошла целая вечность. Тряхнув головой, отгоняя наваждение, Фрида осмотрелась по сторонам, не заметил ли кто ее странного поведения, и с облегчением вздохнула, не обнаружив ни одного обращенного на нее любопытного взгляда, — все смотрели на тэна.

— Как водичка, кельт? — ехидно спросил датчанка. — Не слишком холодная?

— Вода вполне подходящая, — откликнулся Дэвид, откидывая назад намокшие волосы.
— Еще бы кусочек мыла и мочалку.

Девушка рассмеялась и кивнула слугам, приказав выполнить пожелание англичанина. Намылив мочалку, пленник весело обратился к датчанке:

— А теперь, Фрида, может, потрешь мне спину?

При этих словах окружающие разразились оглушительным дружным смехом. Девушка нахмурилась, услышав хохот. Представление, задуманное ею, как насмешка над кельтом с целью унижить его, неожиданно приобрело совсем другой оборот. Стать мишенью подобного спектакля вовсе не входило в ее намерения. Фрида не выносила, когда из нее хотели сделать посмешище, и никогда не лезла в карман за едким словцом, обладая даром повернуть разговор в другое русло, запутать и завести в тупик насмешника, который посмел выбрать ее объектом для своих шуток.

— Скорее, я тебе как следует намылю шею. Будь уверен, мало не покажется, так что лучше помалкивай!

— Хорошо, что речь не идет о том, чтобы намылить для меня веревку! — отозвался Дэвид, вызвав новый взрыв смеха.

Фрида бросила на пленника испепеляющий взгляд, не предвещавший английскому тайну ничего хорошего. Тот только пожал плечами, тщетно стараясь сдержать улыбку, становившуюся все более широкой.

— Я не потерплю подобных шуток, кельт, — мрачно произнесла датчанка.

— Не стоит обижаться на шутки, девочка, — примирительно проговорил мужчина, заметив, как рука девушки прынула к кинжалу и нервно стиснула его янтарную рукоять. — Гнев укорачивает жизнь, а смех...

— Ни слова больше, жалкий раб! — перебивая его, прорычала Фрида, чувствуя пробуждающуюся смертельную ярость. — Клянусь Одином, я научу тебя знать свое место!

Искрящийся весельем взгляд пленника погас, его лицо побледнело и на скулах заиграли желваки.

— Благодарю за напоминание, — бесцветным голосом произнес он. — Действительно, я уже почти забыл, что я — раб.

Дэвид быстро смыл с себя мыло и, натянув одежду прямо на мокрое тело, вернулся в клетку. Когда злость немного улеглась, девушка испытала удивление: впервые в жизни она победила в себе берсерка. Фрида не хотела убивать кельта и, по-прежнему считая его своим врагом, нашла другой способ заставить его замолчать. Кинжал вернулся в свои ножны, так и не напившись крови.

С этого дня Дэвид замкнулся в себе. Девушка больше не слышала от него ни шуток, ни просьб. Теперь при виде ее глаза пленника не вспыхивали радостью; он оставался безучастным к ее приходу, но от еды к счастью, не отказывался.

Фриды была огорчена его равнодушием, но скрывала это даже от себя. Кельт по-прежнему оставался ее пленником, однако иногда девушке казалось, что его уже нет рядом. Тогда она спешила к клетке, желая удостовериться, что узник на месте. Если Дэвид не спал, он неподвижно сидел на медвежьей шкуре, погруженный в глубокие раздумья, и порой Фрида испытывала серьезные опасения за его рассудок. Ей хотелось заговорить с пленником, но она была слишком горда, чтобы навязываться мужчине, не желавшему даже смотреть на нее. Лишившись расположения английского тэна, Фрида чувствовала себя одинокой. Лошади и учебные бои не давали ей прежнего ощущения полноты жизни, которая все больше приобретала вкус рутины.

Фрида задумчиво водила пальцем по черно-белым клеточкам на шахматной доске в ожидании отца. Конунг задерживался, но девушка не выказывала нетерпения; она потеряла счет времени, предавшись воспоминаниям о своем детстве. Перед ее мысленным взором стремительно проносились яркие, безвозвратно ушедшие в прошлое картины, полные тепла и света.

Отец не чаял души в своей рыжеволосой дочурке, окружив Фриду такой заботой и любовью, какие сумела бы проявить не каждая мать. Девушка, сколько себя помнила, почти не расставалась с отцом. Хальфдан был первым ее наставником в ратном деле, приложив немало усилий, не пропавших впустую, чтобы сделать из дочери настоящую воительницу, сильную и бесстрашную, умеющую постоять за себя. Конунг видел, как слабы и уязвимы женщины. Им приходилось особенно тяжело во время войны. Не способные защитить себя и своих близких, они проходили через муки ада, когда на их глазах погибали отцы, мужья, братья и сыновья, а затем сами они оказывались жертвами зверских насилий, после чего смерть казалась высшим благом. Будучи предводителем огромной дружины, Хальфдан понимал, что завоевание новых земель неминуемо сопровождается разрушениями и смертью, но он никогда не поощрял тягу своих соплеменников к неоправданной жестокости, особенно когда сопротивление уже сломлено и город взят. Конунг не всегда мог предотвратить дикие оргии своих дружинников. Порой было просто опасно противостоять толпе воинов, обезумевших от вида льющейся рекой крови. Стараясь уберечь свою единственную дочь от участи, уготованной большинству беззащитных женщин, Хальфдан воспитал Фриду как мальчишку. Он научил ее владеть разным оружием, познакомил с некоторыми видами борьбы и привил любовь к лошадям, что в придачу к самоуверенному воинственному характеру дочери способствовало превращению девушки в настоящую валькирию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.